

Ольга ШПАКОВИЧ

ОППОЗИЦИОНЕР В ТЕАТРЕ АБСУРДА

18+

Ольга Геннадьевна Шпакович
Евгений Николаевич Морозов
Оппозиционер в театре абсурда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39422840

SelfPub; 2018

Аннотация

Общение с партийными деятелями и участие в политической жизни натолкнули автора на мысль представить всю политическую жизнь страны в сатирическом свете, в образе некоего театра абсурда. Продажа депутатских мандатов, стремление к власти, обман доверчивых избирателей, с одной стороны, рейдерский захват бизнеса, наркотики и, конечно, любовь – в романе затронуты многие темы. А также отражены и недавние геополитические события – последствия Майдана на Украине, война на Донбассе. Во многих событиях автору довелось принимать непосредственное участие.

Содержание

Акт первый	5
Пролог	5
Действие 1	7
Действие 2	9
Действие 3	12
Действие 4	20
Действие 5	41
Действие 6	56
Действие 7	64
Действие 8	74
Действие 9	80
Действие 10	84
Действие 11	100
Действие 12	108
Действие 13	112
Действие 14	118
Действие 15	127
Действие 16	138
Действие 17	149
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Ольга Шпакович

Оппозиционер в театре абсурда

«Дурят нашего брата...»

М. Жванецкий

© Шпакович О. Г., 2015

© Морозов Е. Н., обложка, 2015

Акт первый

Пролог

Здравствуйтесь, уважаемая публика! Добро пожаловать в Театр Абсурда!

Сейчас мы разыграем перед вами комедию, в которой наших героев будут колотить палкой, давать пощечины и подзатыльники. Это очень смешная комедия... (Почти из «Золотого ключика»)

Итак, меркнет свет... Раздвигается тяжелый занавес из пыльного ветхого бархата... А что там?.. А там не обычная сцена в виде деревянных подмостков, обставленная грубо размалеванными бутафорскими декорациями, там – декорации в 3d, если говорить современным языком, ну, в общем, такие, которые создают полный эффект пространства и времени...

Ведь мы не в обычном театре, а в Театре Абсурда, который суть наша жизнь, а актеры в нем – это мы с вами, и каждый из нас играет свою роль. Мы – марионетки, а значит, должен быть и кукловод. Он дергает нас за ниточки – у кого это честолюбие, у кого – жажда власти, а мы послушно кривляемся в его ловких руках. А зритель в этом театре – сам Господь

Бог. Он следит за каждым из нас, наслаждается нашей игрой или негодует, плачет или смеется вместе с нами, но, в отличие от нас, знает, какой будет финал...

Действие 1

Красную площадь в течение нескольких секунд запрудила толпа в масках. Маски были самые разные – ухмыляющиеся физиономии клоунов, свирепые оскалы тигров и львов, невинные мордочки мультяшных зайчиков и поросят... Как по команде, несколько тысяч замаскированных участников действия подняли над головами растяжки с одной надписью: «Путин, жди революцию, уже скоро...». Какое-то время толпа стояла молча и неподвижно, продолжая держать плакаты. Затем, видимо, последовал невидимый сигнал, и всех как ветром сдуло...

Владислав Альбертович поставил ролик на начало и пересмотрел еще раз, стараясь заметить детали. Снимал, понятно, какой-то любитель, скорее всего, на мобильный телефон. И он же выложил ролик на «Ютуб». А может, догадался Владислав, он и есть организатор этого действия?.. Он задумчиво взял айфон, набрал нужный номер.

– Здорово, Михаил, говорить можешь?.. Что ж ты отчитался, что на Красной было около ста человек? Было не меньше двух тысяч... Да это понятно, что для прессы. Но для меня ты должен доводить всю информацию, всё, как есть... Ну, ладно... Говоришь, организаторов не нашли?.. Так-так... А вообще сколько народу задержали?.. Только одного?! Ну и ну... Хорошо эти ребята работают... Так, и что

говорит этот один?.. Я так и понял – флэш-моб наверняка был организован через социальные сети. Ох, уж эти сети, надо до них добраться... Кто организовал это? Неизвестный под ником «Оппозиционер»? Значит, надо найти этого оппозиционера!.. Откуда я знаю подробности? Да всё из них же, из социальных сетей. Ролик выложен на Ютубе, уже сто тысяч просмотров. Н-да... Тут есть, о чем задуматься... Нет, это я не тебе. Ладно, давай.

Владислав Альбертович отбросил айфон и некоторое время сидел неподвижно, невидящими глазами глядя куда-то сквозь монитор ноутбука...

Чтобы представить, что это он – штатный мастер интриг, требовалось богатое воображение. Внешность чересчур приторно-сладкая для коварного интригана. Чуть выше среднего роста, с некоторой приятной полнотой, появившейся с возрастом (ему уже за сорок), с аккуратно подстриженными смоляными волосами, холеным красивым лицом – пронзительно тонкий нос, точёные губы, бархатные чёрные глаза... Вот разве что глаза эти недвусмысленно давали понять, какая мощная энергетика у их обладателя, настолько пронизателен, жёсток и молниеносен их взгляд... А так, с виду, – мягкий, будто пластилиновый.

– Ну, Бог с ними – с этими возмутителями спокойствия. Доберёмся до них рано или поздно. А сейчас – пора воплощать мой план. Держитесь, оппозиционеры!

Действие 2

Из Бизнес-центра на Петроградской стороне вышел высокий блондин и целеустремленной походкой, в развевающемся элегантном пальто стального цвета направился к припаркованному на стоянке белоснежному «БМВ». Шикарный мужчина легко запрыгнул в салон шикарной машины, через секунду включился мотор, зажглись задние фары.

– Объект выезжает... – доложил по рации хмурый мужчина с гладко выбритым черепом, сидящий рядом с водителем серого «Ауди». – За ним!

...Белый «БМВ» медленно полз по центральным улицам мегаполиса.

Пробки.

На некотором расстоянии за ним крался «Ауди». Хозяин «БМВ», разумеется, не замечал слежки: кругом полно машин, все сигналият, томятся в пробках, трогаются и притормаживают.

– Мы на хвосте, – продолжал бубнить по рации Череп. – Двигаемся за ним... Уверен, что ничего не замечает, – тут такое месиво...

«Ауди» крался за «БМВ», как хищник, бесшумно ступающий мягкими лапами и пригибающийся к земле за спиной ничего не подозревающего, гордого, независимого оленя...

«БМВ» припарковался у края тротуара, его хозяин вышел

из уютного салона и, зябко кутаясь в пальто, поспешно направился к черному зеву арки.

– Объект вышел, – напрягшись, доложил Череп. – А машина тут припаркована... Вряд ли он машину надолго бросит... Вас понял. Я за ним.

Он поспешно выскочил из «Ауди» и зашел в арку, где только что скрылась фигура преследуемого.

Вынырнув из арки во внутреннем дворе дома-колодца, Череп растерянно оглянулся – объект исчез. Он мог зайти в любой подъезд... Ага... Во внутреннем дворе преследователь заметил маленькое уютное кафе с витражными окнами. Хорошо освещенный зал прекрасно просматривался с улицы, на которую уже спустились унылые осенние сумерки. В окне Череп заметил владельца «БМВ», входящего в камерный зал и на ходу скидывающего пальто на руки подбежавшему администратору. Объект занял столик как раз около окна. За столиком уже сидел человек.

– Так-так... Деловая встреча, – пробормотал Череп и направился обратно к «Ауди».

...Пара часов томительного ожидания, и вот объект твердой походкой вышел из арки и сел в свою машину.

– Трезвый... Говорю же, деловая встреча, – тусклым голосом подытожил свои наблюдения Череп.

И уже в рацию:

– Объект сел в машину, отъезжает... – и добавил, выключив рацию: – Сейчас подъедет к дому и будем его, голубчи-

ка, братъ...

Действие 3

За 24 часа до описываемых событий...

По Петроградской стороне стремительно движется в сторону крейсера «Аврора» высокий молодой человек в развевающемся черном длинном пальто. Его темно-русые, на прямой пробор, волосы ерошит ветер, лицо бледное, со строгими чертами, глаза глубоко посажены, взгляд – отрешенный, темные брови напряженно сдвинуты. Словом, образ прямо как у Валерия Брюсова – «Юноша бледный, со взором горящим...». Он кажется погружённым в свои мысли, вряд ли веселые. Однако энергичная походка и крепко, по-цоевски, сдвинутые челюсти свидетельствуют о том, что человек этот решительный, целеустремленный и не привыкший сдаваться.

Проходя мимо крейсера «Аврора», он сбавляет шаг, внимательно, прищурившись, вглядывается в строгий, парящий над темной водой силуэт корабля и, зловеще улыбнувшись, произносит вслух:

– Мы им еще покажем! Уже скоро...

Переходя через мост, он нагибается, преодолевая напор холодного, промозглого ветра. Примерно на середине моста приостанавливается, оглядывается: позади – силуэт непо-

корного крейсера, впереди – ярко освещенное здание из стекла и бетона. А под мостом зловеще плещутся волны черной реки, торопящейся к холодному морю. Он ускоряет шаг и уже через минуту стремительно подходит к полукруглой громаде из стекла и бетона – зданию Бизнес-центра класса А.

Молодой человек входит внутрь здания, протягивает охраннику паспорт:

– Я в офис «Копеечки», на собеседование.

Бесшумный лифт переносит соискателя на восьмой этаж, приветливая девушка на ресепшене, узнав, что он пришел на второй этап собеседования – к самому генеральному директору! – набирает по телефону номер начальника службы персонала. Через минуту к нему уже спешит женщина средних лет в строгом костюме.

– Рада приветствовать вас, Артем Вениаминович. Игорь Геннадьевич захотел лично пообщаться с вами. Я провожу вас.

– И много у меня конкурентов? – усмехается Артем, именно так зовется незнакомец.

– Не очень... Но есть.

А тем временем в просторном кабинете с кондиционером, мебелью из мореного дуба и кожаными диванами сидит хозяин всего этого великолепия, роскошный блондин лет сорока пяти, генеральный директор и владелец продуктовой сети «Копеечка» эконом-сегмента. Хозяина в нем выдает развязная уверенная поза и дорогой костюм – сидит на диване,

закинув ногу на ногу. Рядом – не то чтобы подчиненный, но прямая спина и натянутая улыбка явно свидетельствуют о его зависимом положении. Хозяин покровительственно разливает коньяк.

– Коньяк прямо из Версаля. «Пети Андре»... Настоящий... Есть в Версале один винный магазинчик, как залетаю во Францию – непременно туда заглядываю. Хозяин, Венсан, уже почти мой приятель.

– Что, коньяк не хуже «Хенесси»?

– «Хенесси»... Сразу видно, что ты слаще морковки ничего не ел. Венсан говорит, что этот хваленый «Хенесси» у них не котируется. – Испушенный в коньяках блондин берет рюмку. – Давай, Сашка, – мечтательно произносит он, рассматривая, как переливается напиток в свете люстры, – выпьем за то, чтобы у нас с тобой состоялось взаимовыгодное и комфортное сотрудничество (выпили, закусили лимонном). Я очень рад, что ты вернулся из Москвы в родные края. Для меня важно не только то, что я заполучил такого первоклассного специалиста, но и то, что я буду работать бок о бок со школьным товарищем. Свой человек в команде – дорогого стоит...

– Я тоже рад. Я, как приехал, сразу тебе звонить стал. Думаю, Игорь обязательно поможет. Но, конечно, о том, чтобы с тобой работать, даже не мечтал. Видишь, как у меня в жизни получилось – на старости лет пришлось и работу менять, и вообще новую жизнь начинать.

– Да какие наши годы! Все у тебя будет! И не переживай, что с Ирккой разошелся! Как говорится, не судьба.

– Я не переживаю. Это изначально была ошибка – то, что я женился на Ирке. Теперь, когда дети выросли и устроены, я имею право жить так, как считаю нужным.

– Так давай выпьем за твою свободу!

– Давай... (опять выпили, закусили шоколадом «Баккара») Да, действительно, хороший коньяк.

– Другого не держим... Значит, ты пока под родительскую крышу?

– Да...

– Как твои старики?

– Папа умер два года назад. У мамы тоже со здоровьем нелады.

– Так дядя Юра умер? Прости, не знал... Значит, вы с тетей Тоней вдвоем?

– Так еще же сестра.

– Ах да, маленькая, помню.

– Уже не маленькая – двадцать восемь.

– Да ну?! Как годы бегут... Замужем?

– Нет.

– Выдавай замуж, пусть к мужу уходит.

– Это уж как получится, ей решать... А у тебя как в личном?

– Все отлично! С Татьяной мне повезло... – Игорь опрокинул еще одну рюмку, закусил лимоном и брезгливо скри-

вился: – Повезлоооо!

– Работает?

– Нет, дома. А зачем мне, чтобы она работала? Я ее вполне могу прокормить. Пусть лучше тылы обеспечивает, да за собой следит. Бабе после сорока особенно следить за собой надо – ну, там салоны красоты, фитнес... Все дела.

– А пацаны твои как?

– Да тоже доволен: младший – студент, финансист будущий, в СПбГУ учится, старший – творческая личность, художник.

– Ну, как говорится – выпьем за детей, за наше будущее!
(Выпили)

– Да... Семья у меня сплоченная – одна команда, один за всех и все за одного, как говорится...

Звонок по внутреннему телефону прервал беседу. Игорь снял трубку:

– Да, слушаю... Пусть заходит.

Взглянул на часы.

– Дела? – участливо спросил Сашка.

– Да тут один соискатель на должность начальника маркетинга подойти должен.

– Мне уйти?

– Н-нет, останься. Тебе же с ним работать. Вот мы вместе его и прособеседуем.

В этот момент дверь приоткрылась, просунулось остроносенькое личико секретарши Светочки:

– Игорь Геннадьевич, в приемной Нина Ивановна – человека на собеседование привела.

– Убери это, – Игорь взглядом показал на стол с начатой бутылкой коньяка, пустыми рюмками и недоеденным лимонном, – а потом зови.

Светочка молниеносно навела порядок. А Игорь Геннадьевич небрежно бросил на столик пачку бумаг, создав видимость рабочего момента. В кабинет заглянула начальник отдела персонала Нина Ивановна.

– Артем Вениаминович Скорохватов.

Игорь царственно кивнул головой. Нина Ивановна вышла, вошел Артем. Пальто он оставил в прихожей и теперь, в строгом черном костюме с черным же шелковым галстуком, белоснежным воротничком рубашки и приглаженными волосами, выглядел вполне респектабельно. Игорь протянул ему руку, указал на кресло, стоящее около столика.

– Рад познакомиться, Артем Вениаминович. Это мой коллега – Александр Юрьевич Ковалев. Финансовый директор. Если мы остановимся именно на вашей кандидатуре, вам с ним работать.

Артем сдержанно кивнул, присел на край кресла.

– Я ознакомился с вашим резюме, с вашими работами в области маркетинга, навел о вас справки и получил великолепные рекомендации. Вы профессионал, это видно. Также я ознакомился с вашими предложениями по продвижению нашей сети, по формированию имиджа и ценовой полити-

ке. Понимаю, что вы человек со стороны и не владеете всей информацией, но некоторые ваши предложения и идеи показались мне достаточно перспективными. Как я понял, покинуть довольно престижное место работы вас заставили семейные обстоятельства?

– Да. Я был очень доволен работой, коллективом и своим руководителем, но я разошелся с женой и принял решение уехать.

– Понимаю... А почему именно Питер?

– Большой город – большие перспективы.

– А почему не Москва?

– Ну, Питер... Питер – как мечта.

– А как у вас с жильем?

– Снимаю.

– Какую зарплату вы ожидаете? Артем решительно назвал сумму.

– Мы подумаем и в случае положительного решения сообщим вам. Есть ли у вас вопросы?

– Вопросов нет. Ваша сфера деятельности знакома мне, это именно то, чем я занимался последние пятнадцать лет.

– В таком случае, удачи.

Когда Артем вышел, Игорь повернулся к Александру:

– Что скажешь?

– Держится с достоинством, производит впечатление человека неглупого, но себе на уме.

– Он профессионал, каких мало. А зарплату просит смеш-

ную. Попросил бы больше, я бы согласился.

– Провинциал... – пожал плечами Александр, – а других ты видел?

– Ничего интересного, одни амбиции.

– Ну, так бери этого.

– Мужская солидарность? Да, его история похожа на твою – разошелся, все бросил и поехал новую жизнь начинать.

– Вот только у него есть передо мной одно большое преимущество – он меня младше лет на десять.

– Возраст – понятие относительное... Однако мне пора.

– Ты как поедешь?

– За рулем, естественно.

– А ничего, что выпил?

– Мне не привыкать.

– И все-таки поберегись – есть у меня какое-то нехорошее предчувствие...

Действие 4

... Пока Игорь полз в «БМВ» по узким, забитым пробками улицам Петроградской стороны, Артем своей стремительной походкой продвигался по набережной:

«Итак, я начинаю новую жизнь. Я приехал в Питер, чтобы совершить революцию. Да-да! Именно так! Без амбиций нельзя – ни менеджеру, ни революционеру. Питер встретил меня дождем в лицо, неприятными улицами и промозглым холодом. А я все равно люблю этот город! И чем больше злится непогода, тем мне веселее! О своем жилье я позабылся – есть, где кости кинуть. Осталось решить два вопроса: первый – найти работу, и второй – обрести в этом, пока еще чужом городе, единомышленников. Среди товарищей, среди единомышленников я хоть где буду как дома! Ну, здравствуй, Питер, город трех революций!»

Для кого-то Питер – город трех революций, а для Марьяны Марьиной, писательницы, художницы, а по социальному статусу безработной, это город Прекрасной Дамы Блока. Именно в этом городе, в какой-нибудь полуподвальной ресторации, «дыша духами и туманами, она сидела у окна...» Марьяна тоже ощущает себя прекрасной дамой, сотканной из духов и тумана. И, как и положено прекрасной даме, ждет принца.

Осень, любимое время поэтов, роняет желтые листья на

каменные мостовые туманного города и омывает его тротуары морозящим дождем. Марьяна идет не спеша, впитывая в себя осеннюю погоду и подставляя лицо мелким каплям, которые текут по щекам, словно слезы. Путь ее лежит к длинному многоэтажному дому. Марьяна входит в подъезд и, радуясь, что после холодной улицы попала в тепло, пусть и пыльное, полное неаппетитных запахов, поднимается на самый верх, в мансарду, в темноте притаившуюся под крышей.

Толкнув облупленную дверь, входит в маленькую прихожую и тотчас упирается взглядом в мутное зеркало. Затем скидывает плащ, устраивает его на вешалку поверх других плащей и курток, хранящих запахи тел их хозяев, и уже пристально вглядывается в свое отражение: на нее смотрит тонкая брюнетка с длинными прямыми волосами, бледным болезненным лицом, лихорадочно сверкающими черными большими глазами, неопределенно тонким носом и красными крупными губами. На вид ей можно дать не больше двадцати пяти. Она улыбается, но, поскольку глаза не смеются, улыбка получается неестественной, невеселой и даже какой-то плотоядной. Не понравившись себе, обладательница бледного лица хмурится, поджимает губы и решительно входит в ярко освещенное помещение.

Она оказывается в мастерской, уставленной, увешанной и забросанной завершенными картинами и незавершенными набросками. Картины изображают либо здания в разных стилях, либо женские обнаженные тела в разных позах. По-

середине – стол, вокруг которого на продавленном диване и дырявых креслах – знакомое ей общество.

– Марьяна! Привет! Заходи скорей, опаздываешь...

– А, Марьяна, здорово! Давай, давай быстрее...

Марьяна Марьиная проходит на освободившееся для нее место.

– Принесла что-то читать?

– А то...

– Друзья, больше мы никого не ждем, – провозглашает хозяин мастерской, Сергей, высокий худощавый мужчина лет сорока с ироничным выражением лица. – Давайте начнем... Кто готов? Володя?

Длинный парень с клочковатыми белокурыми волосами и возбужденно дергающимся лицом, Володя Беженский, нервно достает мятые листы рукописи и, счастливо хохотнув, с удовольствием начинает читать:

«Я стою на остановке, меня толкают и пытаются оттеснить от дверей подошедшего автобуса. Однако мне удастся втиснуться.

– А ты, с ковром, встань как-нибудь так, чтобы твой ковер не мешал, – ткнув меня в живот, неприязненно говорит серое пальто.

– С ковром вообще надо на такси ездить, – ворчит зеленая куртка.

– Вообще-то это не простой ковер, а ковер-самолет, – пытаюсь я защитить свою ношу. – Так что осторожнее, пожа-

луйста, вещь ценная!

– А может, тебе в карету скорой помощи надо, а не в автобус? – парирует серое пальто.

– Милок, дык если это ковер-самолет, что ж ты в общественный транспорт-то щемисься, – голосит зеленая куртка, – ты бы на ём и передвигался!»

Пока блондин читает, Марьяна уютно устраивается на диване, ей протягивают чашку с горячим чаем, и она с удовольствием пьет, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу.

...Когда чтец замолкает, слово берет председательствующий:

– Кто-нибудь хочет что-то сказать Володе?

– Отличная миниатюра, в его стиле, – подает уверенный голос пожилая дама интеллигентного вида. – Его обычный прием – чудесное в повседневной жизни. Н-да... Вот так и все мы – с коврами-самолетами в общественном транспорте, да и вообще по жизни...

Тут надо пояснить, что общество это – суть «литературная студия», председательствующий – Сергей, главный художник города, архитектор, называющий свою работу женой, а литературу – любовницей. Место действия – его мастерская. Картины – это его картины.

Когда-то литературная студия существовала при союзе писателей, вел ее маститый член онога за оклад, а цель сего мероприятия была – готовить из молодых литераторов сме-

ну сегодняшним членам союза. Соответственно, молодежь пытались вогнать в рамки, причесать под одну гребенку и навязать вкусы председательствующего. Вскоре после распада Союза (не писателей, а Советских Социалистических Республик) ставку ведущего литстудии отменили, а студийцев отпустили на вольные хлеба. Каждый уединился в своем мире, но желание общаться и делиться творческими муками оказалось сильнее, и вот, когда Сергей любезно предоставил для литературных встреч свою мастерскую, все восприняли это с энтузиазмом. Не ограниченные рамками, литераторы писали кто во что горазд. А потому в мастерской звучали произведения самых разных стилей. Потом, конечно, была реанимирована литературная студия при союзе писателей, и вновь стали платить маститым наставникам за работу с молодыми творцами, а впоследствии, по мере возникновения новых союзов писателей, стали появляться и новые студии, но сформировавшийся вокруг Сергея кружок остался верен ему. Разумеется, все его члены делали вылазки в другие творческие объединения, но неизменно возвращались сюда.

...А тем временем откашливается и начинает читать низенький, цыганистой наружности парень, с чувственным лицом и смоляными усами:

– «Взошло солнце, этот раскаленный котел вселенной, безжалостно выжигающий все живое, но и щедро дарящий жизнь. Оно осветило неприглядную картину живописной

свалки, на которой, выживая из зловонной кучи мятые металлические банки из-под пива, примостился обветренный и потертый бродяга.

– Давно бичуешь? – спрашиваю его.

– С тех пор, как наш бронепоезд сошел с рельсов...»

Марьяна слушает невнимательно. Она больше следит за эмоциями бледного лица автора, за тем, как дрожат его руки. Надо же, такой опытный студиец Гоша Молотков, занимается уже двадцать лет, еще со времен, когда студия существовала официально при союзе писателей, а до сих пор волнуется...

– У кого есть что сказать Гоше? – подает сигнал к обсуждению Сергей.

– Да что говорить? Пишет профессионально.

– А мне кажется, что слишком цветисто. Проще надо писать, проще! Вспомните Пушкина, который наше все, так вот он первый подал пример, как надо писать прозу.

– А зачем писать просто? – вскидывается автор. – Просто вот бомжи говорят. А мы – литераторы, должны показать наш великий и могучий во всей красе.

Следующим читает молодой человек в образе «ботаника», с очками на кончике носа и непослушным вихром волос.

– «Альфа Центавра загадочно мерцала, освещая неровным светом звездолет, плавно опустившийся на кратер потухшего вулкана. Из звездолета опустился трап, по которому сошел на неизвестную планету командир экипажа, астро-

навт Биф Дургар. Он настороженно огляделся, инстинктивно чувствуя опасность. И точно, на горизонте, разрастаясь все больше и больше, появилось облако, оно стремительно приближалось...»

– Ты, Митя, все фантастикой увлекаешься, – проронил Гоша, когда «ботаник» закончил читать.

– А меня, во-первых, ничего больше не интересует, – заявил Митя, – мне ну совсем не хочется писать, как вы, в стиле голого реализма, во-вторых, сейчас фантастика востребована, а мне, в отличие от многих из вас, хочется увидеть свои рассказы напечатанными в журналах, да и надежды не теряю, что книжка выйдет... Для меня, в отличие от вас, литература не просто творчество и отдохновение от суеты, а способ заработать.

– Вот она – нынешняя молодежь, – покачал головой Гоша. – Ничего святого! Одни деньги...

– А что ж плохого в деньгах? – вскинулся Митя. – Что плохого в том, что я за свой труд денег заработаю?!

– И много ты заработал?

– Да уж побольше, чем ты. Я в солидных журналах печатаюсь, мне гонорары платят.

– Позволю себе заметить, – вступила в разговор пожилая дама, – что я хоть и не могу отнести себя к молодежи, но тоже считаю, что надо улавливать конъюнктуру. К примеру, вот уже около пятнадцати лет спросом пользуются кровавые детективные истории, написанные представительницами сла-

бого пола. А потому я пишу детективы. Пока, конечно, я ничего еще не заработала, но для меня это новая тема, так что все впереди. Несколько рассказов я уже разослала по редакциям. Вот последний, только что написанный, который я и предлагаю вашему вниманию (дама сдвинула очки на кончик носа и стала читать):

– «Дверь приоткрылась, зловеще скрипнув. Взору Марьи Ивановны предстало жуткое зрелище – на полу распростерлось белоснежное женское тело, утопающее в алой луже крови. Кому могло перейти дорогу это невинное юное существо? Марья Ивановна начала лихорадочно прокручивать варианты – дед Богдан: похаживал к покойнице, несмотря на преклонный возраст... Илья, студент из соседнего подъезда, вообще от нее не вылазил, его уже чуть ли не официальным женихом считали... А заезжий коммерсант? На днях, теперь уже покойница, колечком с изумрудиком хвасталась... А коммерсант-то женат... Точно, это жена! Наняла киллера, не иначе... Или студент, колечко обнаружив, из ревности... Да и дед Богдан тоже мог, несмотря на преклонный возраст...»

На этом месте внимание Марьяны отключается, ее клонит в сон, и ей совершенно все равно, кому перешло дорогу невинное юное существо.

– А мне, Оксана Петровна, больше ваши прежние рассказы нравились, – задумчиво произносит Сергей.

– Что делать? – обреченно вздыхает женщина. – На них

денег не заработать... Приходится, так сказать, на горло песне... А вы, Сергей, будете сегодня читать?

– Сегодня – нет. К следующей нашей встрече допишу рассказик. Но у меня все рассказы – некоммерческие, поелику пишу я по зову сердца, а не денег ради. Кормит меня моя профессия – родна жена, а литература – моя любовница, на которую я деньги только трачу. В следующем месяце приглашаю вас, друзья мои, на презентацию моей новой книги «С юмором по жизни».

– Bravo! Поздравляем! – дружно восклицают студийцы, глядя на счастливца с лютой завистью.

Шум в прихожей заставляет всех обернуться.

– Кажется, к нам кто-то еще пожаловал...

В мастерской появилась новая, никому не знакомая личность – высокий худощавый мужчина в черном пальто, с лицом бледным и нервным. Словом, типичный литератор.

– Добрый вечер! Не помешаю?

– Заходи, Артем, – радушным жестом Сергей пригласил гостя войти. – Будь как дома... Друзья, рад представить нового собрата по перу – Артем Скорохватов. Преуспевающий менеджер, у которого, как и у меня, работа – жена, а литература – любовница.

– О, не только литература. Я любвеобилен, и любовниц у меня много.

– Мы через социальные сети познакомились, – продолжал охотно объяснять хозяин студии. – Артем хотел было на

официальную студию попасть, но я ему сказал, то есть написал, что на официальную ты еще сходишь, на официальной – один официоз, а вот настоящее творческое общение – только у нас.

Вновь пришедший небрежно сбросил пальто на подлокотник дивана и непринужденно уселся на диван как раз рядом с Марьяной.

– Не помешаю?

– Нет, конечно, что за церемонии...

– Артем совсем недавно в Питере, – продолжал Сергей.

– Но, думаю, надолго.

– А что вы пишете? – поинтересовалась Оксана Петровна.

– Фантастику.

– Ну, вот, Митя, в вашем полку прибыло.

– А какую фантастику, простите? – оживился Митя, возбуждённо поправляя очки на носу.

– Антиутопии. Социальные антиутопии.

– Артем увлекается политикой, – продолжал представлять гостя Сергей.

– Политика – это тоже одна из моих любовниц, – усмехнулся новенький.

– Это зря! – сказал, как отрезал, Гоша Молотков. – Мы, литераторы, не должны пачкаться политической грязью. Мы должны быть выше этого.

– Вот как ткнут вас носом в реальность, тогда сразу поймете, выше вы или нет. Как говорится, если ты не хочешь

заниматься политикой – политика займется тобой.

– А сейчас вы что-нибудь принесли?

– Да.

– Так давайте предоставим слово новичку. Читайте, Артем.

Артем вытащил из бокового кармана пиджака смятую рукопись.

– Сегодня не буду утомлять вас длинным повествованием, прочитаю притчу. Так, в качестве ознакомления. Итак, притча «Вождь равнодушных»:

«Путник шел издалека. Видел он и Глубокую Пропасть, к которой вела широкая, мощеная дорога, по-змеиному извивавшаяся в тени развесистых деревьев, и Прекрасную Страну, подступы к которой были затруднены бездорожьем. А сейчас он решил отдохнуть. Сел в тени дерев, достал свой «завтрак туриста» и замер в удивлении: из-за крутого поворота змеившейся дороги вышла процессия. Возглавлял ее человек, который вел длинную вереницу людей. В руках он держал конец веревки, к которой были привязаны все остальные, – она перехватывала их вокруг пояса. Человек вел их сосредоточенно, путники же занимались каждый своим делом: кто играл на гармонике и распевал песни, а другие под его музыку пытались изобразить что-то вроде танца; кто на ходу сосредоточенно пытался читать, кто равнодушно играл с мобильным телефоном; были здесь и любители приложиться к бутылочке – от постоянного прикладывания по-

ходка их уже стала нетвердая; были и любители закусить на ходу; родители катили коляски с детьми, оживленно обсуждая планы на будущее; влюбленные шли, держась за руки... Путь их лежал как раз в сторону Глубокой Пропасти.

– Эй, стойте! Остановитесь! – Путник вскочил на ноги, забежал вперед, размахивая руками. Процессия нехотя остановилась, люди глядели на него с недоумением.

– Куда вы идете?! – орал Путник, преграждая им путь.

– Мы идем в Прекрасную Страну, – нестройно ответило несколько голосов из толпы.

– Но вы идете не туда!

– Как это – не туда? Нас ведет наш Вождь. Мы сами его выбрали. Он сказал, что знает дорогу. Мы ему верим – пусть ведет. Должен же кто-то нас вести.

– Но он ведет вас не туда! Эта дорога ведет к Глубокой Пропасти. Дорога в Прекрасную Страну вон там!

Люди стояли в растерянности, переступая с ноги на ногу. Наконец кто-то сказал неуверенно:

– Разве может дорога в Прекрасную Страну быть такой узкой и неудобной?

– Да это не дорога – козья тропа какая-то! – выкрикнул другой.

– Да на такой дороге ноги переломать можно!

– Дорога такая нехоженная, потому что мало кто знает путь в Прекрасную Страну, – пояснил Путник.

– Не слушайте его, – устало сказал Вождь. – Кто он такой?

Какой-то первый встречный. Я же с вами уже много дней, разделяю ваши заботы и радости. Вы сами выбрали меня, и я оправдаю ваше доверие. Я знаю дорогу в Прекрасную Страну и веду вас по ней. Смотрите, какая она широкая, как хорошо она вымощена, как приятно по ней идти! В дороге вы наслаждаетесь тенью от этих высоких деревьев, а на той козьей тропе вас ждет палящее солнце. Вы подумайте сами, вы же умные люди, – в Прекрасную Страну все стремятся, ведь так? Ну, вот – потому и дорога широкая – протоптали. А в ту сторону, куда указывает этот Путник, желающих что-то не много нашлось, потому и тропа узкая и нехоженная.

– Правильно говорит! Да что там – пошли дальше! Нечего время терять... Веди нас, наш Вождь!

И процессия двинулась дальше. Путник, в отчаянии заламывая руки, последовал за ними. И что же он увидел? Вождь подвел доверившихся ему людей к самому краю Глубокой Пропasti и, прежде чем они смогли что-либо сообразить, зыбкая почва ушла у них из-под ног. Вождь выпустил веревку из рук, и люди полетели в пропасть – с колясками и детьми, с мобильниками, недоеденными бутербродами и недопитыми бутылками...

– Зачем вы сделали это? – спросил Путник, когда оправился от шока.

– Я наемный менеджер, – устало сказал Вождь. – Меня наняли, чтобы я сделал это.

– Но зачем?!

– Ну, вы же понимаете, Прекрасная страна не резиновая, на всех в ней места не хватит. Есть Золотой Миллиард избранных, а остальным туда вход воспрещен.

– Неправда! В Прекрасной Стране есть место для всех – надо лишь найти путь туда... И куда вы теперь?

– Как – куда? В Прекрасную страну, разумеется!»

Марьяна завороченно смотрела, как двигаются его губы, как слегка дрожит рукопись в его длинных тонких пальцах. «Какой интересный молодой человек, – подумалось ей, и как-то грустно и сладко сжало сердце. Вдруг она заметила, какие длинные у него ресницы. – Мне бы такие ресницы, я бы на туши сэкономила».

Когда Артем закончил чтение и стал сворачивать свою рукопись, студийцы некоторое время молчали.

– Ну, что ж, – подвел итог Сергей. – Мы сейчас прослушали философско-социальную притчу.

– Написано хорошо, – заметил Молотков. – Вы печатались?

– Да, в литературных журналах...

– А равнодушные – это мы? Это нас ведут к пропасти, пока мы тут пишем да сочиняем? – спросил Володя.

Артем хотел было что-то ответить, но Марьяна нетерпеливо выкрикнула:

– Я тоже хочу читать! Я набросала миниатюру.

– Валяй, первая леди прозы сюрреализма.

Леди воскликнула хриплым взволнованным голосом:

– Добро пожаловать в Театр Абсурда, господи!

– Ты до сих пор пишешь... э-э, вручную? – удивленно воскликнул Артем, заглядывая в ее рукопись.

– Да, – не растерявшись, ответила Марьяна, – такая вот я консервативная – длинные юбки, длинные волосы, и пишу ручкой, а не печатаю на компьютере. Разве это творчество – текст набирать? Вот когда пишешь – только тогда настоящее вдохновение! Было бы перо, я бы пером писала.

И затем, придав себе отрешенный вид, замогильным голосом начала рассказ:

«Я чувствую себя, как рыба в воде, в своей мастерской. Только здесь, среди своих живописных полотен, я живу. Они – мои друзья, мои дети и любовники, только они меня любят и понимают. Я могу создать чудовище и могу его уничтожить, могу молодую красавицу превратить в старуху, а могу старухе вернуть юность и красоту, ибо я здесь – хозяин, волшебник, творец, Бог...

Но как только мне необходимо покинуть мое царство и выйти на улицу, я попадаю в чужой, враждебный мир... Я попадаю в Театр Абсурда... Мне страшно жить в этом мире! Он – чужой!»

– Ох, Марьянка! – по-бабьи пригорюнилась Оксана Петровна, когда Марьяна закончила читать. – Как ни прячься от враждебного мира, он тебя все равно настигнет да по шапке надает...

...Остальные, привыкшие к бессюжетным зарисовкам

первой леди, промолчали.

– Предлагаю сделать перерыв! – объявляет Сергей.

Литераторы разбиваются на группки. Марьяна подходит к Артему, который внимательно рассматривает картины.

– Как тебе мой рассказ? Ты ничего не сказал.

– Не люблю декадентствующих барышень. Как выйдешь замуж да нарожаешь детей, сразу весь декадентский флер слетит, – он отворачивается от нее к подошедшему Сергею. – Сергей, судя по твоим картинам, ты рисуешь или дома, или женщин.

– Дома рисовать – моя работа, как архитектора, а женщин рисовать – опять-таки хобби. У меня, как видишь, во всем так.

– Я вижу, что ты и к телу женщины подходишь, как архитектор. Экие у тебя все натурщицы монументальные.

– К телу женщины я подхожу как мужчина! – усмехается в усы Сергей. – Вот ты, Марьяночка, не желаешь попозировать? У тебя фактура богатая.

– Нет. Я на дом не похожа.

Марьяна переходит к другой группе. «Грубиян и хам, – обиженно думает она об Артеме. – А мне-то он поначалу показался таким романтичным... Простой и примитивный материалист! Ненавижу таких...»

Блондин с ковром-самолетом, пожилая дама и «ботаник»-фантаст обсуждают темы, которые могут принести коммерческий успех.

– Эротика еще хорошо идет! – говорит блондин вдохновенно, но Марьяна видит, что в душе он, обладатель ковра-самолета, смеется над ними.

– Да я пробовал... – смущенно признается «ботаник». – Но не идет, не мое. Мне все-таки ближе фэнтэзи. Да и продается это лучше.

– Лучше – это вряд ли, – продолжает глумиться блондин. – У меня приятель в рекламном бизнесе криэйтером работает. Так вот он меня просветил, что основной инстинкт – это самосохранение, то есть больше всего людей возбуждает то, что угрожает их жизни, то есть вызывает страх, а потому я согласен с Оксаной Петровной, почему столь популярны детективы. Детектив воздействует на чувство страха, ведь это с каждым может произойти, и, читая детектив, обыватель, с одной стороны, испытывает ужас, а с другой, облегчение, что это не с ним произошло... А вот уже на втором месте инстинкт продолжения рода, то есть похоть. И вот здесь как раз закономерен интерес к эротической литературе. Не зря ведь в рекламу стараются запихать эротический мотив. В любую! Даже в рекламу котлеты – фарш формируют в форме женской груди. Как хочется мужчине ее – ам! Аж слюнки текут!

– Вы забыли про такие еще популярные темки, – вступает в разговор Марьяна, – как расплодившиеся книги-советы «Как стать счастливым», «Как стать богатым» и так далее. Кстати, купите книжку «Как стать богатым», может, она научит вас продавать свои рассказы.

– Точно! – захлебываясь от восторга и потирая руки, восклицает блондин и продолжает развивать подкинутую ею мысль.

Марьяна идет дальше и останавливается около блондинки, которая выглядит несколько чужеродно среди литераторов – ее личико с ярким макияжем не обременено интеллектом. Девушка сосредоточенно рассматривает картину с обнаженной натурщицей, которая не обладает модной художественностью, а по внешнему виду, скорее, походит на эталон эпохи Возрождения.

– Вот ужас, да? – нарушает ее уединение Марьяна. – Толстенная какая! Ей бы срочно в спортзал!

Тут она замечает, что блондинка на самом деле думает о чем-то своем, потому что вздрагивает и уже осмысленно смотрит на картину.

– Что?... Ах да... Действительно толстая.

– Что, Жанна, будешь читать сегодня?

– Нет.

– Никогда ничего не читаешь, зачем тогда ходишь?

– Ну, как же ничего! Я в самом начале приносила рассказ.

– Так ты принесла только потому, что тебя бы сюда не пустили: тебе же сказали, что не пишущим делать у нас нечего.

– Было дело – пришлось поднатужиться, ну не умею я прозу писать. А ходить на ваши посиделки хочется. Вернее, не хочется, а надо, для одного дела...

– Для какого еще дела?

– Да так... Долго рассказывать.

– Расскажи, пока перерыв.

– Мой друг... бывший... творческая личность. И он вбил себе в голову, что круг его общения должен состоять исключительно из таких же, как он. А я, по его мнению, человек приземленный, не его поля ягода. Такие, как я, его не интересуют. Когда мы только начали встречаться, я еще как-то выдавала себя за творческую личность... притворялась писательницей, а потом он раскусил меня. Так вот, чтобы доказать ему, что я действительно писательница, я и стала ходить к вам на студию.

– Он что – проверял тебя?

– У него приятель сюда ходит иногда.

– Кто?

– Слава.

– Знаю его. Графоман. Дальше.

– Так вот Слава подтвердил, что я хожу на литературные вечера.

– А он?

– Все равно как-то не очень поверил.

– И что?

– Ну, что-что... В общем, я хотела прийти к нему с человеком по-настоящему творческим, с настоящим студийцем, писателем... ну, чтобы он понял, что у меня тоже друзья – творческие личности, что я тоже – из богемы. Ну, в общем... – девушка окончательно смутилась и замолкла.

– Понятно. И что же, ты действительно думаешь, что если он увидит тебя с каким-нибудь графоманом, он в тебя обратно влюбится? Щас! Скорее, он просто не знает, как от тебя отделаться, вот и придумывает всякую хрень.

– А если даже так! – в сердцах восклицает Марьянина собеседница. – По крайней мере, у меня будет еще один шанс!

– Блажен, кто верует...

– Слушай, Марьян, пойдем со мной!

– Я?! В роли графомана?

– Ну, пожалуйста! Выручай! Я уже несколько вечеров думаю, как тебе об этом сказать, да все не решаюсь...

– Надо было не думать, а просто сказать и все.

– Так ты пойдешь?

– А почему именно я?

– А кто? Больше никто из девушек на студию не ходит. А ты – ты же воплощенная творческая личность! Твоя интересная внешность, драные джинсы, фенечки... ну, вся эта богема... И потом, не с Оксаной же Петровной мне идти!

– Да, с ней как-то не очень... Да нет, не пойду я – лениво...

– Ну пожалуйста! Это мой последний шанс – одну меня он на порог не пустит. А если с творческой личностью – пустит. А я уж постараюсь ему опять понравиться!

– А почему бы тебе мужиков не пригласить?

– Издеваешься? Как я объясню какому-нибудь Молоткову, зачем мне это надо!

– Да, Молоткову не объяснишь... Хм, ну, раз так, пожа-

луй, пойду! Мне самой интересно на этого чудилу посмотреть. Когда двинем?

– Сегодня.

– Сегодня?

– А когда еще? Я стосковалась по нему – сил нет! Ну, пожалуйста! Он допоздна не ложится – так что это удобно будет, ты не переживай.

– Я не переживаю. Я без комплексов, – Марьяна насмешливо смотрит на несчастную влюбленную. Как у нее розовеют щеки, блестят глаза, поднимается грудь... Сколько эмоций дает любовь! Вот только Марьяне не довелось еще испытать их...

– Спасибо тебе! – та готова на шею кинуться своей спасительнице и уже протягивает руки.

– Ладно ты, не балуй!

Знала бы Марьяна, к чему приведет это невинное на первый взгляд приключение, бежала бы от Жанны, спотыкаясь и падая... А может, наоборот?

Действие 5

...Полночь. Закрытая дверь... А что за ней? Распахнешь ее, и, возможно, жизнь твоя перевернется, словно там, по ту сторону, все не так, как в нашем мире. А вдруг, пока она еще молчаливо закрыта, самое время развернуться и бежать без оглядки, так как там... да лучше бы и не знать, что там.

Но девушки не убежали, а закрытая дверь – сим, сим, и открылась. Значит, это судьба...

На пороге – молоденький парень в шортах и футболке.

– Привет, Паша! Дэн дома?

– Привет, Жан! Давненько ты в наших краях не показывалась. Заходи, дома он.

Девушки вошли в темную квартиру. Марьяне с первого взгляда показалось, что она попала в огромный темный дворец. В темноте читались очертания далеких арочных сводов, таинственно мерцали зеркала... Бесшумно ступая по мягкому ковру, они прошли по длинному коридору прямо, затем повернули направо, затем – налево, и там перед ними возникла уединенная дверь. Над нею тихонько позвякивала музыка ветра в виде длинных сиреневых трубок и рыбок, медленно покачивающихся, словно они плавают в родной стихии.

– Ой! – сделала большие глаза Жанна и бессильно опустила руку, готовую отворить дверь. – Боюсь...

– Не бойсь, прорвемся! – и Марьяна решительно втолкнула ее в комнату.

Комната встретила их таинственным полумраком, в котором предметы казались призрачными, а в воздухе дрожал туман от слабо мерцающих восточных свечек. Полумрак слегка рассеивался приглушенным светом разнообразных светильников в восточном стиле, в виде фигур животных – жабы, дракона, кота... Тихо играла медитативная музыка – глухо стучали индийские барабаны. На диване полулежал молодой человек, который показался Марьяне настолько прекрасным и загадочным, что она резко остановилась и воскликнула:

– Да это же настоящий Дориан Грэй!

– Кто? Дориан Грэй? Хм... Спасибо, – улыбнулся обладатель замечательной внешности. – Давайте знакомиться. Я – Дэн, Денис.

Дэн был чуть выше среднего роста, хорошо сложен, с белокурыми волосами, отливающими в полумраке лунным сиянием, с лицом немного удлинненным и очень белым, на котором так странно выделялись глаза его – огромные, черные, опущенные очень длинными и густыми ресницами. Все остальное – тонкие губы с изящным изгибом, греческий нос – тоже казалось произведением искусства, тщательно вырезанным прихотливым резцом мастера.

– Марьяна, – девушка протянула ему маленькую энергичную руку.

– Привет! Рад, действительно рад, – Дэн бережно пожал ее пальчики.

– Здорово, – холодно кивнул он взволнованной блондинке, затем подвинулся, приглашая девушек присесть рядом с ним на диван. – Ну-с, какими судьбами?

– Мы шли с литературной студии, – заворожено глядя на красавчика, хриплым от волнения голосом ответила Жанна. – И решили зайти.

– И решили зайти... Вот так запросто! Ай, молодца! Хвалю девушек без комплексов! – Он выразительно посмотрел на наручные часы.

– Ну, мы-то с тобой не посторонние люди, – справившись с волнением, перешла на игривый тон его подруга.

– Конечно! Да мы с тобой почти родственники!.. Подумаешь, переспали пару раз... Ну-с, и что же вы там делали – на литературной студии? Обольщали мужчин? Поэтов, чтобы они вам стихи посвящали? Это же так романтично – быть музами...

– Нет, мы выше этой пошлости, – резко возразила Марьяна.

– Вот как? – он быстро повернулся к ней. – А разве это пошло – быть музами? Разве я сказал какую-то пошлость?

– А что же еще, по-твоему, ты сморозил? Конечно, пошлость! Ненавижу, когда про меня думают, будто я на студию хожу, чтобы мужиков клеить.

– А почему ты решила, что я так думаю?

– Так ты ж только что сказал...

– Думать и говорить – разные вещи. Можно думать одно – а говорить совершенно другое... Так-то... А почему ты сказала, что я похож на Дориана Грэя? Ты правда так думаешь? Скажу прямо, мне это польстило, хотя и неожиданно... Оскар Уайльд – один из моих любимых писателей. Эстетизация порока... Обожаю!

– Это первое, что пришло мне в голову, когда я тебя увидела... В тебе такая смесь красоты, невинности, чистоты... и порока.

– Bravo, девочка! В самую точку... Ты вот говоришь, что ходишь на литературную студию не для того, чтобы мужчин завлекать. А для чего?

– Я писательница. Я пишу и хожу на студию, чтобы общаться со своими единомышленниками, делиться своим творчеством, своими фантазиями, мыслями... Ну, вот как художник, написав картину, хочет, чтобы ее увидели. Ведь так?

– Так, так... Ну, и где твоя картина? Я хочу ее видеть.

– Она со мной. – Марьяна, не отрываясь, смотрела в его глаза, они словно гипнотизировали ее. Он тоже смотрел на нее немигающим воспаленным взглядом. И это очень возбуждало.

– Я хочу сказать, что Марьяна у нас пишет... – начала было Жанна, но Дэн оборвал ее:

– Я знаю все, что ты хочешь сказать. Ты для меня уже про-

читанная книга. Теперь я хочу прочитать твою подругу. Ты готова, подруга?

– Готова!

Марьяна достала из сумочки рукопись и начала читать...

...Когда она замолчала, Дэн три раза медленно хлопнул в ладоши:

– Bravo, – прочувствованно произнес он, не спуская с нее тяжелый взгляд. – На самом деле хорошо, поверь мне! Я – искушенный читатель. Враждебный мир, в котором живем все мы, и твой мир, в котором живешь ты одна... Я хочу знать о твоём мире все! Какой он, твой мир?

Жанна, начавшая понимать, что все происходит не по сценарию, написанному в ее голове, переводила напряженный встревоженный взгляд с одного на другого.

– Я не мешаю вам?

– Конечно, мешаешь, детка! Наконец-то догадалась...

– Так это что – действительно конец? – ее голос задрожал.

– Действительно конец.

– Нет! Нет-нет-нет, Дэн! Только не это! Не бросай меня! – она опустилась на колени перед ним, обнимая его ноги. Он брезгливо отстранился.

– Спокойной ночи, зайка. У нас сейчас будет беседа на интеллектуальные темы. Ты в этом не сильна.

– Погоди... Нет! Не отталкивай меня вот так... – она стала судорожно цепляться за него, а он – брезгливо сдергивать с себя ее руки. Нет более жалкого зрелища, чем покинутая

женщина, пытающаяся вернуть своего любовника.

– Не унижай себя, Жанна, крошка! Я не стою этого, – твердил он с кривой усмешкой, пряча глаза от ее настойчивого ищущего взгляда.

– Ты не можешь бросить меня! – лепетала Жанна, задыхаясь от слез. – Не можешь, потому что я не могу жить без тебя! Я что-нибудь с собой сделаю!

– Неужели? Как романтично... Я пролью слезу на твоей могиле и воткну в снег пару алых гвоздик, на розы у меня денег нет... Я уже вижу эту картину – белый снег и алые, как кровь, гвоздики... Как это будет красиво! Мне это понравится, ведь я эстет...

Тогда Жанна впала в бешенство.

– Так вот как ты относишься к моей любви, к тому, что мне больно?! Ну, и... ну, и... пошел ты! – завопила она, захлебываясь от рыданий. – А от тебя, гадина, я такого не ожидала! – она резко повернулась к Марьяне, с ненавистью глядя на нее.

– Да я-то что ж сделала? – Марьяна недоуменно развела руками, с отвращением и удивлением наблюдая эту сцену.

– Жанна, послушай меня, – воскликнул предмет ее обожания, неожиданно засмеявшись, – помнишь, я рассказывал тебе об учении Александра Свияша? Так вот, напомним – жизнь, по Свияшу, это даже не театр, театр – слишком красиво и возвышенно, жизнь – это цирк, а люди в ней кто? Актеры? Нет! Клоуны! Так вот, ты сейчас кривляешься на аре-

не цирка в колпаке, на котором написано «отвергнутая женщина»! Как тебе идет этот колпак! Как жалобно позвякивают его бубенцы, когда ты трясешь головой!

– Издеваешься?.. В таком случае знай – я желаю тебе попасть в ад! Причем в самое скорое время!

– Ад для меня – это видеть тебя!

Не найдя что сказать, Жанна вскочила и выбежала из комнаты. Смущенная и огорченная Марьяна попыталась было подняться, чтобы последовать за ней, но Дэн властным жестом остановил ее:

– Пусть идет... А ты останься!

Марьяна несколько минут сидела молча, осмысливая происшедшее. Она чувствовала себя крайне неловко, но – странно, уходить ей вовсе не хотелось, хотя она понимала, что оставаться неудобно. Он с лукавой улыбкой наблюдал за ней, наконец, видя ее смущение, поднялся и вышел из комнаты. Вернулся с подносом, на котором стоял чайный набор и вазочка с конфетами.

– Угощайся! И, пожалуйста, забудь про эту Жанну! Она заслужила такое отношение.

Марьяна немного успокоилась и взяла из вазочки конфету.

– А может, чего-нибудь покрепче, м-м? Мартини, вино...

– Нет! Я не пью, не курю и не употребляю мясо. Восточные духовные практики, которыми я занимаюсь, не приветствуют это. Вообще не приветствуют допинги, всякие сти-

муляторы. Мы должны внутреннюю энергию черпать в себе. Единственное, от чего не могу отказаться, это от кофе по утрам.

– Как интересно! Я тоже люблю восток! Но не в плане духовности, а больше в плане... эстетики, что ли... Я никогда ни в чем себе не отказываю. Поэтому эти всякие ограничения – не для меня. Ну-с, расскажи о себе. Чем ты занимаешься по жизни?

– Я пишу картины и рассказы.

– Правда?! Я тоже! Хотя про рассказы – сильно сказано. У меня два листа прозы, всего лишь... А вот картины пишу. Акварелью. Хочешь взглянуть?

Дэн вскочил и вытащил из выдвижного ящика комода несколько листов, расписанных акварелью.

– Вот это я попытался изобразить подсознание. Весь ад и мрак, который может быть в душе. Ведь от себя, от того, что в тебе, – никуда не уйдешь! Можно носить ад с собой. И наоборот, если в душе рай, то тебе и в аду будет, как в раю.

– Отлично сказано!.. Какой философский сюжет... В стиле сюрреализма, да? Напоминают Сальвадора Дали... А я пишу маслом, в стиле импрессионизма. То есть стремлюсь запечатлеть не реальный мир, а мое восприятие этого мира.

– Ну, а твоей работе это не мешает? Кстати, где ты работаешь?

– Нигде. Я не могу представить, что смогу где-то работать. Образования у меня нет. Я много болела в детстве... Никуда

не смогла поступить. А денег – проплатить за учебу – у нас нет. У меня одна мама, пенсионного возраста. Но до сих пор работает. Уборщицей. Мы небогатые люди. Живем в общаге...

– Небогатые люди! Общага! И на этом дне жизни – такой самородок! Бриллиант в дерьме... Как интересно! Рассказывай еще! Почему ты стала писать картины?

– Мой папа, которого я никогда не видела, был художник. Видно, и мне что-то передалось. Мама говорит, что я и внешне на него похожа.

– Прямо сюжет из романа! Дочь художника... в трущобе...

– Да, история в самом деле, как из романа. Они не были женаты... Они даже не были любовниками. Папе надо было изобразить простую женщину на одной из своих картин. И он, где-то случайно познакомившись с мамой, пригласил ее позировать. А она влюбилась в него и отдалась ему. Сеансы быстро закончились, и он уехал, так как был в нашем городе проездом. И тут оказалось, что мама в положении... Он так и не узнал о моем появлении на этот свет... Но мама ни разу, ни на миг не пожалела об этом. Она очень скромная и не очень привлекательная внешне. У нее никогда не было поклонников. Она родила меня уже в возрасте...

– Какая романтическая история! Прелесть! Но ты не стесняйся – меня не интересует социальный статус человека. Только его внутренний мир! И потом, я никак не упрекну

тебя хотя бы потому, что сам я нигде не работаю... Из чувства протеста! Я не принимаю этот мир! Я тоже живу в своем мире.

– А... твои родители?

– Ну, у меня-то есть и папа, и мама. Папенька у меня богатый. Я даже не буду тебе говорить, кто он. Так вот, я считаю, что раз он меня породил, хотя я его об этом не просил, пусть теперь отдувается.

– А мама?

– Мама не работает. И Пашка. Брат. Никто у нас не работает, кроме папика.

– А образование у тебя есть?

– Поступал в университет на финансово-экономический. Папа кучу денег за мою учебу платил, потом за мои долги... Потом я бросил всю эту канитель и сказал ему, что это не мое. Какой из меня финансист...

– А брат?

– Ну, а теперь брат учится на финансиста, потому что папенька вбил себе в голову, что это пригодится ему, и он будет помогать папику в бизнесе. Тоже неохота Пашке, но пока что он не может такой фортель выкинуть, как я. Бойтся родичей. Это я – самостоятельный. Мыслю по-своему.

– Так значит, твой папа может за тебя заплатить! Какое счастье, когда можно учиться! А ты...

– А зачем учиться, если не хочешь работать? Логично?

Их разговор прервал звонок Марьяниного мобильника.

– Да, мамусик, скоро приду... Пойду я, а то мама волнуется, – не очень уверенно сказала Марьяна.

– Ага, – зевнув, ответил Дэн. – Провожать не буду. Так романтичнее – материализовалась из воздуха и так же неожиданно растаяла.

– И не надо, – пожала плечами Марьяна. – Я самостоятельная.

– Ну, если только до порога.

Он проводил ее до дверей, подождал, пока она оденется.

– Заходи, если желание будет. Дорогу теперь знаешь. И вот что – давай телефонами обменяемся.

Обменялись телефонами, и дверь захлопнулась.

Марьяна вышла во двор-колодец. Его слабо освещал покачивающийся под порывами ветра фонарь, от чего по стенам метались бесприютные тени. Марьяна подошла к длинной арке, напоминавшей туннель, совершенно темный, лишь в конце его виднелся слабый свет – выход на освещенную улицу. Девушка сделала уже шаг в арку, когда увидела, что с другой стороны туннеля в арку заходит мужчина. Она слегка поежилась. Пересечься ночью, в глухой подворотне, с мужчиной как-то не вдохновляло. Вдруг с обеих сторон к мужчине метнулись две черные тени. Они повалили его и начали пинать. Ужас ледяным комком подкатил к горлу, вызвав противную тошноту. Марьяна вжалась в стену, в которой как раз в этом месте находилась выемка, и стала наблюдать. Все происходящее напоминало ей театр теней – на светлом прямо-

угольнике сцены кривлялись три черные фигуры – две стояли, а одна моталась по земле, словно пинали снятую с ниточек марионетку. Наконец, когда фигура перестала мотаться и затихла, один из нападавших нагнулся и поднял свою жертву за грудки. Жертва безвольно поникла, словно тряпчатая кукла. До Марьяны донеслись голоса, усиленные арочными сводами и повторяемые эхом.

– Ну, что, живой?

– Мужики, чего хотите? – прохрипела жертва.

– Вот это по-нашему, это деловой разговор. Слушай сюда – один твой добрый приятель очень хочет, чтобы ты передал ему весь твой бизнес. Настолько хочет, что собрал на тебя много чего интересного. Понял?

– Это кто же такой – не Глазурьев ли?

– А если он, то что?

– В милицию заявлю.

– (Удар) Ты что – не понял? В милицию на тебя заявил он. На тебя дело шьют, недоумок! Поэтому если добровольно не откажешься, скоро под следствие попадешь.

– Сколько?

– Нам бабла твоего не надо. Нам надо, чтобы ты согласился на наше деловое предложение и избавил одного хорошего человека от возни с судами. Понял?

– Не дождется... (Тогда к его горлу было приставлено что-то, сверкнувшее в тусклом свете фонарей. Марьяна от ужаса зажмурилась, но вновь зазвучавшие голоса означали, что

убеждение еще не закончилось).

– А это тебе нравится? Или ты свой бизнес любишь больше, чем свою жизнь?

– Хорошо. Я подумаю.

– Неделя на раздумья. Понял? Ни днем больше!

– Понял-понял. Отпустите. Никуда я заявлять не буду.

– То-то!

Две черные фигуры, бросив жертву на землю, как ненужный мешок, растворились в черном воздухе. А пострадавший несколько мгновений лежал неподвижно, затем, придя в себя, кряхтя и охая, с трудом поднялся и, все ускоряя шаг, поспешил в сторону Марьяны. На какое-то время его поглотил мрак подворотни, только слышны были его приближающиеся шаги и хриплое дыхание. Но вот он материализовался из темноты и прошел мимо нее. Ноги у нее подкосились – ей показалось, что она сходит с ума, – избитый мужчина, с кровавыми подтеками на лице, был как две капли воды похож на Дэна, только выглядел лет на двадцать старше.

Потерпевший пересек внутренний двор, вошел в парадную, из которой только что вышла Марьяна, парадную с сохранившейся лепниной, массивными перилами и широкой лестницей, поднялся на свой этаж, прислушиваясь, как испуганно повторяет звук его шагов глухое эхо. Звонок истошно завопил в сонной квартире. Послышались неспешные шаги.

– Да открывайте же, черт возьми! – нетерпеливо крикнул он, в сердцах замолотив по двери кулаком.

Дверь открылась. В прихожей он увидел все свое семейство – полуодетая жена и два сына. Они смотрели на него с тревогой.

– Игорь, что-то случилось? – подала голос жена, резким движением включая верхний свет.

На пороге их глазам предстал давешний наш знакомый, хозяин жизни, роскошный блондин сорока пяти лет, Игорь Геннадьевич Ветров. Теперь выглядел он жалко – на лице кровоподтеки, светлое щеголеватое пальто в грязи.

– Случилось! Напали...

– Боже мой! Ты цел? – женщина начала судорожно сдирать с него пальто, пытаясь рассмотреть, нет ли ран. – Вызвать скорую?

– Нет. По морде дали пару раз, без порезов обошлось, слава Богу...

– Пап, тебя ограбили? – спросил черноволосый мальчик, уже известный нам как Паша.

– Нет... Хуже... Это шантаж! Хотят мой бизнес отобрать.

– На все воля Божья, – лихорадочно зашептала женщина. – Может, именно это обратит тебя к Богу?!

– Ты издеваешься?

– Игорь, солнце, мне всегда казалось, что богатство мешает тебе прийти к Богу. Как сказано в Евангелии – «легче верблюду пройти сквозь угольное ушко, чем богатому – в рай...» Задумайся, Игорь, это знак!

– А живешь ты на чьи деньги?

– Куском попрекаешь? Тебе никогда не понять меня! С тобой просто бесполезно разговаривать! – жена гордо удалилась.

– Ну вот, а ты еще хочешь, чтобы я тоже в бизнес подался, – усмехнулся Паша и тоже ушел к себе.

– Семейка... – прохрипел Игорь, снимая пальто. Ему никак не удавалось раздеться – болело плечо.

– Чего стоишь, как истукан? – набросился он на старшего сына. – Мог бы помочь.

– Чем? Нет уж, папачос, извини, это твои проблемы, – холодно улыбнулся сын Денис и тоже ушел.

– Расползлись по своим углам, как тараканы в свои норы, – ворчал Игорь. – Танька, может, все-таки лед достанешь? Или что там у тебя в аптечке? Синяки же завтра будут.

– Ты сам можешь достать все, что тебе нужно. А я лучше помолюсь за тебя, – донесся из комнаты голос жены. – С таким муженьком живешь, как на пороховой бочке...

Действие 6

– Ах, мама, с каким мальчиком я вчера познакомилась... – потягиваясь, пропела только что проснувшаяся Марьяна.

Она жила с матерью, Маргаритой Николаевной, в одной из крошечных комнаток большой коммунальной квартиры. Окно ее выходило прямо на стену противоположного дома, так что Марьяна наизусть уже знала узор из трещин этой желтой грязной стены... Высоченный потолок с облупившейся лепниной, беленые, пожелтевшие стены, старый диван-кровать, на котором мать и дочь спали вместе, платяной шкаф с незакрывающимися дверками, письменный стол, несколько стульев да еще маленький, дребезжащий от старости холодильник – вот и все убранство их убогого жилья. Маргарита Николаевна гладила белье на столе, который служил также и для приготовления пищи, и в качестве обеденного, и на нем же Марьяна писала свои сюрреалистические миниатюры. Услышав возглас дочери, мать живо обернулась:

– А что за мальчик?

Дочка на маму ничуть не походила: маме было уже сильно за шестьдесят, ее жилистые руки выдавали многолетнюю привычку к физическому труду, клочковатые седые волосы пострижены по-мужски, лицо отталкивающе некрасивое, длинное, лошадиное, с крупным мужским носом, мелкими,

близко посаженными глазами. Отсутствие зубов еще усиливало отталкивающее впечатление и сильно старило ее.

– Да так... пока ничего серьезного. Просто обменялись телефонами... Мам, может, мне на работу выйти?

– Куда это еще?

– Ну, не знаю куда... Не могу же я вечно на твоей шее сидеть. Надо работать.

– Так и работай! – живо откликнулась мать, со стуком ставя утюг на металлическую подставку. – Я первая тебе говорю – работай! Работай, как вол, как раб на галерах! Пиши картины, ну, рассказы там свои... Пиши, дочь, пиши! В рассказы я не особо верю, а вот художественный талант у тебя есть! Да и как не быть – папа твой был ге-ни-альный художник! Пиши картины, работай над собой! Ты должна прославиться! Я уже старая, а я хочу дожить до твоего успеха! Торопись, дочь! Что тебе надо – рамочки там всякие, кисточки? Я заработаю! Я вот простить себе не могу, что на твое образование денег нет, но ничего – талант всегда себе дорогу пробьет. Ты пробьешься, дочь! Если, – мать строго подняла указательный палец, – если будешь над собой работать. Вот скажи-ка мне – когда ты закончишь свою картинку, ну, пейзаж этот?..

– Уголок Михайловского парка?

– Ну да, ну да.

– Так вчера закончила.

– Вот и иди, продавай. Продашь – будут у тебя деньги.

– Да что там за деньги?.. Мама, мне большие деньги нужны!

– Ну, уж прям и большие... На что это?

– На компьютер, к примеру. Вчера на студии один новенький был, так он чуть с дуба не рухнул, когда мои каракули увидел. Неудобно как-то...

– Нуу, дочь, выбирай, или рамочки с кисточками, или компьютер. Рисовать можно и без компьютера, а писать твои рассказы – обойдешься. Вот когда рассказы эти твои начнут деньги приносить, вот тогда и купишь компьютер... Компьютер, компу-тер... тьфу, язык сломаешь, зачем он? Баловство одно...

– Ах, мама, какая же ты дремучая! – в сердцах воскликнула Марьяна.

Через два часа она уже стояла на Невском возле ограды Екатерининского сквера. Здесь копошилась своя жизнь: экскурсовод продавал билеты под монотонную запись диктора:

– ...Сейчас самое подходящее время для автобусных экскурсий...

Причем это самое подходящее время было и в дождь, и в жару – запись не менялась. Художники выставляли напоказ свое творчество – портреты великих, чтобы показать умение передать сходство, шаржи, пейзажи. Марьяна, страшно смущенная, пристроилась чуть поодаль, разложила мольберт, примостила на газетку свои немногочисленные картины.

– Смотрите-ка, – глумливо выкрикнул толстяк, обмотан-

ный красным шарфом. – Опять эта мазила пожаловала!

– Пусть ее... – добродушно ухмыльнулся мужик с седой бородой, в берете, низко надвинутом на глаза. – Нам она не конкурент, а девчонка хорошенькая, как картинка... Яркая такая... глядишь, покупателей к нам подманит. Иди поближе, девочка, – ласково кивнул он ей.

Марьяна, которая привыкла к другому приему от художников, приободрилась и придвинула свое живописное хозяйство поближе.

– Здрасьте, – заискивающе улыбалась она. – Я ненадолго. Мне уже бежать надо. Я только чуть-чуть постою. Спасибо. («Ооо, проклятый враждебный мир...» – стонала она про себя).

Седая борода оказался прав – интересующиеся искусством, мельком скользнув взглядом по картинкам Марьяны, устремлялись к ним и уже более внимательно рассматривали их работы. К нескольким художникам уже подсели клиенты, пожелавшие запечатлеться на полотне. А она все стояла возле своих не востребуемых работ, отворачиваясь от промозглого сырого ветра. Но ветер не отставал – трепал легкий пуховик, забирался в прорехи на джинсах. На литературной студии Марьяна выдавала эти свои джинсы как дизайнерские, на самом деле это были просто старые, до дыр вытертые штаны, которым она с помощью ножниц и цветных ниток придала вид живописных лохмотьев.

Примерно через час около Марьяны остановился высокий

седеющий иностранец в малиновом свитере и белом плаще. Он равнодушно взглянул на ее картины, а затем его взгляд приклеился к ее лицу. Марьяна покраснела, опустила ресницы, смешалась, затем решила прервать молчание:

– Вас что-то заинтересовало?

– А?

– Вот ду ю вонт?.. Эээ...

– Yes, – иностранец небрежно указал на пресловутый уголок Михайловского парка. – Its – how mutch?

– Это... Its...

Пока Марьяна мучительно раздумывала, какую назвать сумму, так как даже не придумала, за сколько продавать свои произведения – уверена была, что никто никогда ничего у нее не купит, иностранец вынул из нагрудного кармана сто-долларовую зеленую бумажку.

– O-key?

– Yes, thank you... Спасибо вам огромное, – бормотала Марьяна. Крошечная, чуть больше ладошки картинка в пластиковой фоторамке, уже никак, по ее мнению, не тянула на такие большие, опять же по ее меркам, деньги.

Иностранец брезгливо поднял с газеты картинку и небрежно бросил в пакет. Затем, продолжая все так же внимательно изучать Марьяну, извлек из нагрудного кармана блокнот, ручку и, вырвав листок, нацарапал номер телефона и название отеля – «Radisson».

– Here it is... Come to me today at six... no, seven in the

evening. I'll buy you anything else... Come!

– Спасибо... Да, конечно... – окончательно перейдя на русский, бормотала Марьяна, засовывая записку в карман пуховика.

– Do you want to take a look? – бойко загалдели художники, зазывая щедрого иностранца. Он нехотя отошел от Марьяны, подошел к обладателю красного шарфа и купил у него пейзаж с разведенным мостом на фоне Петропавловской крепости. Причем за этот пейзаж заплатил гораздо больше.

– А? Что я говорил? – добродушно усмехался в бороду Марьянин доброжелатель. – Говорил, что девочка покупательшей будет привлекать – так и получилось.

– Да, теперь сам вижу, – мурлыкал, прищурившись, как кот, толстяк в красном шарфе. – Ты это, девочка, в следующий раз пофасоннее что-то надень.

Решив, что больше одного везения в день быть никак не может, Марьяна еще некоторое время постояла для вида, а затем собрала свое хозяйство в большой пакет и, вприпрыжку от радости и холода, побежала домой.

Мать уже собиралась на работу.

– Мам, ты еще не ушла? Ура! Живем! Картину купили!

– Да ты что?! Какую?

– Новую! Уголок Михайловского парка. За сто долларов!

Марьяна помахала перед глазами матери зеленой купюрой.

– А я что говорила? – затараторила та. – Говорила же –

работай больше! Вот ты поработала, дочь, и на этой последней картине, видно, мастерство твое отточилось, вот ее и купили. Еще работай, еще! Сейчас дело-то и пойдет.

Марьяна хотела рассказать матери о приглашении иностранца посетить его в отеле, но густо покраснела – и промолчала. А когда мать ушла на работу, вытащила записку и выбросила в форточку.

– За сто долларов чувствительное спасибо! – зло крикнула она. – А вот зарабатывать я собираюсь исключительно своим талантом, а не другими местами... Сволочь! Думаешь, все мы здесь продажные, да? Думаешь, поманил долларом, и делай с нами что хошь? Хрен тебе!

Весь вечер Марьяна остервенело работала. Уже поздно, к самому приходу Маргариты Николаевны, новая миниатюра была готова. Девушка вставила ее в пластиковую рамку, показала матери:

– Ну? Узнаешь?

– Н-нет, что-то не узнаю... А где это?

– Ай, мама... Это же Зимняя канавка!

– Ааа... Вот теперь узнаю. Точно! – Мать нацепила на нос очки. – Да, теперь ясно вижу... И скажу тебе – эта канавка, то есть, эта картинка, уйдет еще быстрее. Мастерство-то – оно растет... Мазок смелее, игра красок там... Думаешь, я ничего не понимаю? Нет! Пообщалась с твоим отцом, наблатыкалась немножко.

Однако на следующий день Марьяна простояла впустую.

Никто не пожелал купить ни «Зимнюю канавку», ни картины с изображением других красот Петербурга...

«Да бес с ними, с этими пейзажами, – мрачно раздумывала незадачливая художница. – Надо не конъюнктуру рисовать, тут мне с мэтрами состязаться трудно, а надо что-то оригинальное. Какой-то такой сюжет... Что-то сюрреалистическое... А больше всего мне хочется изобразить этого Дориана Грэя! Такое интересное лицо... И вообще, что-то я соскучилась по нему. Но звонить первая не буду! Ни за что! Не хочу уподобляться этой глупой Жанне... Думает ли он обо мне? Вообще – о чем он думает? Чем занимается?...»

Если бы Марьяна знала, чем занимается предмет ее мечтаний, может быть, она с презрением выбросила бы его из головы.

Действие 7

– ...Итак, есть ли у нас план? Есть ли у нас план?... У нас есть план! – радостно воскликнул Владислав Альбертович.

На клавиатуру ноутбука по-кошачьи вкрадчиво легли холёные руки, сверкнул крупный бриллиант в перстне, кокетливо украшавшем мизинец. На мониторе высветилась рукопись, набранная шрифтом «Times New Roman». «Искусство манипулирования сознанием» – так назывался этот пока ещё не завершённый труд.

«...Народные массы должны быть убеждены, что они свободны в своём волеизъявлении, что именно они путём выборов определяют, кто будет править ими и какого курса надлежит придерживаться стране. Они не должны знать, что всё за них уже решено, что президент выбран и без них, а подсчёт голосов – всего лишь фикция. Они не должны знать, что тот путь, которым надлежит двигаться обществу, определяется не волей этого самого общества, даже не волей президента, он определяется некими третьими силами, находящимися за пределами страны и имеющими в своих руках мощные финансовые потоки и неограниченную власть. Впрочем, именно деньги и дают власть, и чем больше денег, тем больше власти. Массы должны быть максимально аполитизированы. Их участие в политическом процессе должно ограничиваться

голосованием. И пусть, проголосовав за г-на А или г-на В (неважно), каждый из них испытывает гордость, что он выполнил свой гражданский долг. Для участия в политическом процессе этого достаточно. А для того, чтобы массы не лезли в политику, следует: а) занять их и б) создать вполне сносную жизнь, чтобы в целом они были довольны. В капиталистическом обществе главная ценность – это деньги. Вот и пусть зарабатывают их, и тем самым решается задача а), то есть, их занятость. Денег, как известно, много не бывает. Поэтому пусть работают по 10, 12 часов, чем больше, тем лучше, – меньше времени будет оставаться на праздные размышления. При этом надо решить и задачу б) – дать им возможность приобрести за их деньги некоторые ценности, получить развлечения, вкусно поесть и выпить. Для обывателя в этом и состоит смысл жизни. Наш министр образования верно заметил, что «цель школы сегодня – вырастить грамотного потребителя». Потребление товаров и услуг – вот что должно быть смыслом жизни обывателя. Жить – чтобы потреблять!

Однако не все представители общества находятся на необходимом примитивном уровне. Некоторые, умеющие думать самостоятельно, в отличие от большинства, за которое думает правительство и доводит до него свои решения через телевидение, догадываются, что что-то не так. Они начинают проявлять недовольство, пытаются объединиться со своими единомышленниками, чтобы влиять на

ситуацию. Словом, они составляют оппозицию и примыкают к партии, которая, по их мнению, наиболее полно выражает их взгляды. И наша задача заключается в том, чтобы предоставить им такую партию. Дело это не хитрое. Уже не одно столетие русское общество делится на «западников» и славянофилов, а также на нейтральную прослойку обывателей, которым всё равно. Для обывателей есть партия власти, за которую они исправно голосуют. Тут всё просто. Для «западников», возмущённых тем, что у нас – не как на Западе, пытающихся подогнать русское общество под западные стандарты, без учёта русской истории, геополитики, национального менталитета и т. п., есть партии правого толка, которые выражают интересы определённой целевой аудитории – есть партия для крупного бизнеса, есть – для среднего и мелкого. В обществе существует также небольшой процент экстремистски настроенной публики. А вот её развития нельзя допустить – все политические процессы должны быть подконтрольными нам. Ну, а «славянофилы», как известно, падки на патриотическую риторику, муссируют тему «особого пути России» и «русского социализма». Среди них популярны левые партии. Так вот, наша задача – в одной из левых, подконтрольных нам партий синтезировать всё, что привлекает различные целевые аудитории. Своими коммунистическими лозунгами она должна удовлетворять запросы радикалов, мечтающих о революционном сломе общества. А своей клерикальной

риторикой и утверждениями об избранности русского пути она должна импонировать «почвенникам». Нам удалось синтезировать эти столь разные идеи в СДПРФ. Вот о ней и поговорим... Внушает опасение тот высокий процент недовольных, которых мы пытаемся нейтрализовать этой партией. На сегодняшний день это – самая многочисленная псевдоопозиционная партия, объединяющая в своих рядах интернационалистов и националистов, коммунистов и верующих – и прочих «свободомыслящий сброд». Её члены уверены, что партия приближает революцию, а на деле она топчется на месте, подменяя революционную деятельность ритуалами типа бесконечных возложений венков, празднований дней шахтёра, учителя, сантехника... Они не видят, что СДПРФ увела их далеко от революции и социализма, завела их, образно выражаясь, в жидкий гудрон, в котором завязла вся оппозиция. Однако некоторые могут догадаться, почувствовать подвох... И вот для того, чтобы удержать этих особо догадливых от резких телодвижений в сторону экстремизма и неповиновения, партийным лидерам следует, с целью наиболее эффективного воздействия на сознание масс, воспользоваться эффективными наработками религиозных сект, деятельность которых столь удачна в России. Итак, что характеризует секту:

1. Религиозный маркетинг. Секта всегда занята религиозным маркетингом, то есть распространением своего учения и вербовкой новых членов особыми

средствами. В отношении партии применим партийный маркетинг. То есть, СДПРФ также следует активнее вербовать новых членов, особенно среди молодёжи. Революцию делает молодёжь, а не респектабельный средний возраст.

2. Двойная идея. Для того, чтобы привлекать новых членов и удерживать старых, необходима прекрасная, благородная идея – «Вся власть трудящимся!» или «Мы – за справедливое общество!» Это – для общего пользования. Пусть члены думают, что они, жертвуя собой, совершают великое и благородное дело освобождения трудящихся от капиталистов, или освобождения России от западной духовной и экономической оккупации. Только избранные, находящиеся на вершине иерархии, знают, что настоящая идея – отвлечь массы недовольных от реальной борьбы.

3. Иерархия. Должна быть жёсткая властная вертикаль – лидер, имеющий всю полноту власти, и ниже – ЦК, городские, районные комитеты – и так до первичек.

4. Непогрешимость секты, в данном случае, партии, и ее основателя. Для того, чтобы управлять многотысячной толпой, манипулировать её сознанием, заставлять беспрекословно выполнять решение лидера, не подвергая его критическому осмыслению, необходимо, чтобы в партии поддерживался культ лидера. «Он всегда прав, он не может ошибиться, он лучше нас знает, что надо делать, он лучше владеет

ситуацией, если он так говорит, значит, так надо».

5. Бескорыстное служение секте её adeptов. В данном случае – бескорыстное служение партии её членов. С этим нет проблем: старики стоят в бесполезных пикетах в дождь и в снег, палимые солнцем и овеваемые ветрами, держат в продрогших руках никому не интересную партийную прессу, изобилующую занудными докладами партийных боссов... Члены партии платят взносы, вносят посильный материальный вклад. Хотя денег у партии хватает с лихвой и без их грошей. Освоить бы... И то воображения не хватает.

6. Финансирование. Как секта, так и партия финансируются за счёт сил, заинтересованных в ее существовании.

7. Членам секты внушается мысль о том, что они – единственно спасённые люди, что все окружающие – «второго сорта», обреченные на гибель потому, что не разделяют учения секты. Так и члены партии должны быть уверены, что их партия – единственно правильная, честная, независимая... Все остальные – подло подкуплены правящим режимом.

8. Программирование сознания. Членами сект становятся прежде всего люди с неустойчивой психикой, не имеющие достаточно знаний. Такие люди, ищущие, но не нашедшие твердых оснований в духовной жизни, как правило, легко внушаемы, то есть готовы отказаться от своей свободы и принять установки своих учителей. При этом человек получает иллюзорный смысл жизни. В

результате несчастный глупец, попавший в сети секты, оказывается в полной зависимости от участия в собраниях, указаний учителей и лидеров. Специалисты сравнивают сектантскую зависимость с наркотической зависимостью. А что – не так ли обстоят дела в партии? Так. Кто становится её членами? Люди неравнодушные, нервные, экзальтированные, готовые на всё ради идеи. Они хотят, чтобы их лидеры вели их к светлому будущему, и готовы безоговорочно слушаться их. У некоторых партийная жизнь, общение с единомышленниками приобретают смысл жизни. И если таким людям пригрозить, что их исключат из партии – многие воспримут это как наказание, как позор, как трагедию...»

Пожалуй, на сегодня хватит... Владислав Альбертович сохранил написанное, потянулся, пружинисто поднялся и вышел из своего кабинета. Было уже совсем поздно – непривычно тихо и пусто в коридорах. Мягко, по-кошачьи ступая, он спустился в подземный паркинг. Через несколько минут он уже мчался в своем черном мерседесе. Сначала он двигался по направлению к дому, затем передумал. Он представил свою уютную квартиру, теплые объятия жены, ее белокурые, вечно благоухающие какими-то цветочными ароматами волосы, представил детей – сына и дочь, которые обступят его и уж, конечно, не отпустят, пока он не обсудит с ними все их детские дела. Несмотря на солидный возраст, он был молодой отец – сыну десять, а дочурке только пять лет. Влади-

слав улыбнулся, представив себе семейную идиллию. И, резко развернувшись, поехал в обратную от дома сторону. Хотелось еще побыть наедине с собой, обдумать одну мысль...

Вскоре он припарковался около здания музея уникальных кукол. Здание подсвечивалось, что придавало ему таинственный вид, а черные окна равнодушно смотрели на него слепыми глазницами. Владислав поднялся по высокому крыльцу, нажал кнопку вызова. Через некоторое время он заметил, что на него смотрят в глазок. Дверь отворил охранник.

– Добрый вечер, Владислав Альбертович. Решили заглянуть к нам?

– Да... Добрый вечер, – рассеянно поздоровался Владислав.

– Сигнализацию отключить?

– Да, как обычно... – он быстро взбежал по слабо освещённой лестнице на второй этаж и вошёл в небольшое помещение. Темно, только слабый свет уличных фонарей проникает в окна. И они... Они стоят и сидят, поодиночке, парами и группами и настороженно смотрят на него. Он различает в сумраке их головы, повёрнутые в его сторону. Иногда ему кажется, что они живые. Это хорошо – так легче думается.

Владислав нащупывает на стене выключатель, электрический свет безжалостно сбрасывает покровы таинственности с обитателей этой комнаты. На гостя смотрят десятки пар глаз. Это куклы. Большие и маленькие, грустные и весёлые,

в роскошных нарядах и скромных одеждах. Как обычно, при виде этих маленьких, как будто живых человечков его охватили воспоминания. Коллекция кукол собиралась его, теперь уже бывшей, женой. Он искренне разделял её увлечение, помогал ей основать этот музей, где его по-прежнему считают своим человеком. Да и как же иначе? Ведь до сих пор вся эта роскошь существует во многом благодаря ему. Она уехала, а он остался. И с ним остались её куклы. Он не любил людей, но любил кукол.

– Привет! – радостно поздоровался с ними этот в общем-то несентиментальный мужчина. – Как поживаете? Со скучилились? Ну, давайте поиграем.

Владислав взял фарфорового мальчика в матроске...

– Ты – наш президент.

Слева от него посадил куклу – крестьянина в подпоясанной холщёвой рубаше.

– Ну, а ты – лидер СДПРФ, сам папа Зуб – Иван Петрович Зубанов.

Справа он примостил пупсика в пелёнках.

– Это наши правые.

Затем взял в руки куклу в шёлковом пышном платье и, крутя её, пробормотал:

– А это – некая третья сила. Ну, куда бы тебя пристроить, третья сила? Нет для тебя пока места, дорогая.

Он задумчиво переставлял кукол, меняя их местами, подсаживая к ним новых... Затем радостно улыбнулся и вернул

всех на свои места.

– Ага, кажется, придумал.

Действие 8

Главный оппозиционер страны, председатель СДПРФ, Иван Петрович Зубанов, или «папа Зуб», гордо вышагивал по длинным коридорам Кремля. Гламурный галстук фирменного красного цвета («Брэнд, батенька...») ярким пятном выделялся на фоне серебристо-серого дорого костюма. Перед дверью кабинета с табличкой «КУКЛОВОД Владислав Альбертович» он остановился на миг, придал лицу выражение сдержанной любезности и, деликатно постучав для приличия, тотчас вошёл, по-свойски, не дождавшись приглашения.

– Владислав Альбертович?..

– Да-да, Иван Петрович, жду вас... Присаживайтесь, – царственный жест на близстоящее кресло, – надолго не задержу. А переговорить кое о чём надо.

Иван Петрович прошествовал на отведённое ему место, сел, пригладив складки пиджака на округлом животе, и приготовился слушать.

– Видите ли... Разговор не очень приятный для вас, а потому я хотел бы начать издалека, для начала – вспомнить все ваши заслуги...

– Смягчить впечатление?

– Скорее поразмышлять вместе с вами... Итак, в далёких теперь уже 90-х, когда реформы вовсю внедрялись и

наш народ начал понемногу понимать, что его просто-напросто обманули: пообещали западный уровень жизни, западные ценности, а вместо этого подсунули инфляцию, безработицу, нищету... Да что вам рассказывать? Сами всё прекрасно помните... Так вот, возмущение в народе тогда стало достигать точки кипения. Ещё немного, и котёл народного гнева взорвался бы. А этого нельзя было допустить...

– И с этой целью, – подхватил главный оппозиционер, – было принято решение создать новую коммунистическую – социал-демократическую партию – СДПРФ. И тем самым дать народу надежду, что правительство испугалось народного гнева и готово пойти на попятный. Народ успокоился – партия создана, есть лидер, значит, всё будет хорошо. Надо слушаться лидера, и он в итоге приведёт всех к победе социализма.

– Всё верно. Лидер был выбран удачно – философ, теоретик, не лезущий в практику. И пусть себе, как свадебный генерал, он и дальше колесит по стране, встречается с трудящимися, повязывает галстуки пионерам да создаёт в кабинетной тиши свои труды о сущности и вызовах текущего момента, о преемственности учения Маркса-Ленина и прочее. Этот лидер – вы, Иван Петрович. Во всём вы правы! Впрочем, так же, как и Маркс. Вот только от теории до практики – пропасть... Кстати, над чем вы сейчас работаете?

– Опасность глобализации...

– Вот видите – очень актуально и наверняка всё умно и

обстоятельно. Как вы и умеете – одно слово, философ... Но мы отвлеклись. Продолжим перечень ваших заслуг. Вам ловко удавалось долгое время водить народ за нос. Вспомним 93-й, когда, во время расстрела Белого дома и разгона законно выбранного парламента, вы лично попросили народ успокоиться, разойтись по домам, тем самым позволив Ельцину добить зарождающуюся оппозицию. А если бы народ вышел на улицы – тысячи, миллионы разгневанных, доведенных до отчаяния людей? Что было бы тогда? Вряд ли армия стала бы стрелять в безоружных людей, особенно если их миллионы. И тогда, возможно, новый режим был бы сметен. Но, как говорится, история не любит сослагательного наклонения. Главное, вы правильно выступили – и народ не вышел. И никто не задался вопросом, почему в тот день другие оппозиционеры не были допущены в Останкино, а вас, главного революционера, допустили и предоставили эфирное время.

– Мы напугали народ кровопролитием. Мы убедили их, что это провокация.

– И немногие догадались, кто главный провокатор. Далее. В 96-м вы, несмотря на ваши старания завалить предвыборную кампанию, сделав её отталкивающей, кондовой, однако, выиграла президентские выборы, набрав голоса благодаря идее, воплощением которой вы были. Однако итоги выборов потихоньку сфальсифицировали. Постепенно вы всё больше стали превращаться в миротворца, заявляя, что «лимит на

революции в России исчерпан», вы, как наиглавнейшую заслугу, стали выставлять то, что вам удаётся удержать массы от социального взрыва. Теперь ваша партия стала вполне респектабельной, державно-националистической, сродни западноевропейским партиям социального типа, которые, как известно, не против капитализма, а лишь за его очеловечивание, скажем так, за капитализм с человеческим лицом. Вы – партия...

– Я – не партия...

– Партия, Иван Петрович. Как там у Маяковского? «Мы говорим «партия», подразумеваем, Ленин. Мы говорим «Ленин», подразумеваем «партия». Так вот, сегодня всем понятно, что партия – это вы. Не возражайте! Так и надо. Вы должны сделать партию полностью подконтрольной, чтобы удерживать недовольство масс. Никакой самодеятельности! Никакой критики и свободомыслия! Вы должны вдолбить в голову ваших товарищей, что вы непогрешимы, что вам одному известно, в какую сторону надо идти и что делать. Короче, никаких революций! Смотрите в оба! Пресекайте в зародыше! Да, вы почти убедили массы в том, что путь эволюционный – единственно верный...

– Считаю это своей заслугой. Мы провели большую работу по внедрению в сознание протестной массы, что революция – это зло, что нужен эволюционный путь развития, парламентский путь, что к справедливому социальному обществу можно прийти только путём парламентских выборов.

Мы добились того, что сейчас сами же коммунисты клеймят тех, кто продолжает придерживаться теории Маркса-Ленина.

– Благодаря вам. И ваши заслуги были оценены по достоинству – за каждый голос, полученный на выборах, мы платим вам деньги. И сейчас в распоряжении вашей партии порядка 2 миллиардов 100 миллионов¹ на оппозиционную деятельность.

– Не понимаю, к чему вы клоните.

– Сейчас подведу вас к своей основной мысли... Дело в том, что народ, который мы считаем наивным, дезинформированным, внушаемым, вернее, часть этого народа, начала просекать, что их ловко обвели вокруг пальца. А потому всё больше людей всё меньше вам верит. Люди поняли, что вы с вашей партией – левая нога антинародного режима. Это не мои слова, это я цитирую фразу, которую повторяют уже все, кому не лень. То есть, дорогой Иван Петрович, вас рассекретили. «Маска, я вас знаю!» Это плохо. Недовольство масс растёт. И против вас в том числе. И, не дай Бог, появится харизматичный лидер, который поведёт недовольных за собой.

– Кажется, я вас понял. Такой лидер может появиться только в нашей, коммунистической, социал-демократической среде, и моя задача – не допустить его появления, скомпрометировать, дискредитировать его, чтобы народ с презрением от него отвернулся.

¹ Данные на момент подписания рукописи в печать.

– Правильно. Это ваша задача. А наша задача – подсуетиться с появлением нового, ручного лидера. Вот пока и всё. Работайте, Иван Петрович!

Действие 9

Зубанов – у себя в кабинете. За столом – два его ближайших соратника по партии. Обоим около шестидесяти. Данилов Пётр Сергеевич, плотный, со смугловатым лицом и густыми бровями над чёрными глазами – главный идеолог партии, под его неусыпным надзором – официальный сайт. Райкин Вениамин Иванович, подтянутый, рыжеватый, чем-то неуловимо похожий на артиста Евстигнеева, – он возглавляет КРК – контрольно-ревизионную комиссию, главный карательный орган партии, негласное назначение которого – выкорчёвывать из партии всякое свободомыслие. Образно выражаясь, этот сухощавый человек с приятной улыбкой – главный партийный инквизитор.

– Разговор крайне важный, товарищи, конфиденциальный, – начал «папа Зуб», откашлявшись. – Вчера вызывал Кукловод... Пётр Сергеевич, над чем работаете сейчас?

– Развиваю «русский вопрос». Скоро закончу большую работу «Русский космизм и особая миссия России».

– Это хорошо. Надо, чтобы у людей было задето национальное самосознание, чтобы они чувствовали себя ущемлёнными и униженными, но не со стороны буржуазии, а со стороны мирового капитала, который хочет лишить нашу страну самобытности, а нас, русских, сделать рабами мирового правительства. Пусть испуганный русский человек,

оскорблённый в своей национальной гордости, не видит врага в капиталисте, если это русский капиталист, пусть видит врага в таком же брате трудящемся, но другой национальности. Мигранты, хлынувшие в Россию на заработки, – вот главные враги русского! Это обязательно надо донести до масс. Публикуйте на сайте факты о преступлениях, которые совершают нацмены, о том, что они не уважают нашу культуру, что они агрессивны, что они хотят постепенно заселить Россию, а русских извести. Поэмоциональнее это надо давать, Пётр Сергеевич!

– Да уж стараемся, Иван Петрович.

– И вот ещё что... Следите за комментариями на сайте!

– Да как за ними уследишь! Наши ребята – тоже люди. Им, извините, элементарно поспать ночью надо. А на утро смотришь – такое написано! И против вас, и против партии...

– Вам за что деньги платят?! Не можете за комментариями уследить – вообще уберите такую возможность – комментарии на сайте писать!

– Так ведь это нарушение свободы выражения мнений, ведь мы...

– Кто сказал, что у нас должна быть свобода? Должна быть партийная дисциплина! Кто пишет комментарии? Враги партии! Значит, комментариев быть не должно! Это надо для партии. Понятно? Так и донесите до молодых товарищей, которые этим занимаются.

– Хорошо. Сегодня уже комментариев не будет.

– Надеюсь... Вениамин Иванович, а вам предстоит работа ещё более ответственная и масштабная.

– Работы не боюсь. Надо так надо.

– Надо, очень надо! Надо донести до партийных масс, что мне и ЦК, что нам лучше знать, как выгребать из той ямы, в которую попала наша страна. Никакого свободомыслия! Никакой самодеятельности! Когда-то считалось, что первичка – основа партии. Нет! ЦК – основа партии! Первичка должна беспрекословно следовать указаниям ЦК. Проследите, чтобы особо активные и яркие, которые имеют своё мнение и могут повести за собой, безжалостно выдавливались из партии! Иначе, сами понимаете, куда может привести их энтузиазм. Какой-нибудь новоиспечённый лидер поведёт за собой массы, отодвинет нас с вами, и не видать нам депутатских кресел, льгот, зарплат и пенсий. Больше того, они своими действиями реально могут ввергнуть страну в революцию! И что тогда? Хаос? Экспроприация?.. Нет! Никаких революций! Я хочу спокойно дожить свой век и обеспечить детей и внуков. Уверен, вы тоже!

– Так это понятно – нам уже не по возрасту в революциях участвовать.

– Кстати, что там за мероприятие было на Красной площади?

– Экстремисты...

– Это ясно. Организовал их кто?

– Социальные сети...

– Но сети же не сами по себе рожают призывы! Кто-то же их изобретает и распространяет?

– Наши ребята говорят, что это некий «товарищ Артём», или еще у него ник есть – «Оппозиционер».

– Кто он?

– Да вроде наш член.

– Если наш член, то это плохо! Почему он допускает самодетельность? Его что – уполномочили провести это мероприятие секретари райкома, горкома? Вот от таких самодетелей и надо в первую очередь избавляться! Короче, выяснить, кто это, и исключить с позором, чтобы другим неповадно было!

Действие 10

На следующее утро после нападения жертва, то есть Игорь Геннадьевич, в дорогом костюме, с портфелем под мышкой, вошел в собственную приемную. Все как обычно, – аромат кофе, который пьет по утрам его секретарша Светочка (между прочим, кофе для своей дорогой кофеварки он заказывает в Москве), сама Светочка – типичная секретарша – длинноногая блондинка с тонкой талией, сидит за компьютером и, судя по ее улыбке, переписывается с кем-то или в «аське», или на сайте знакомств. Заметив шефа, она улыбается дежурной улыбкой, но тут же на ее хорошеньком безмятежном личике появляется тревога.

– Ой, Игорь Геннадьевич, что с вами? Вы в порядке?

– Нет, не в порядке. У тебя есть... ну, что вы там, женщины, используете... крем тональный, что ли?

– Есть, конечно!

– Через десять минут ко мне, с кофе и кремом. И никого ко мне не впускать!

Игорь вошел в свой роскошный кабинет, со вкусом и комфортом обставленный, и подумал, что по чьей-то злой воле может покинуть его.

– Ну уж нет! Не дождетесь, с-скоты!

Он приблизил лицо к зеркалу, прикрепленному к внутренней стороне дверцы шкафа, потрогал ссадины, помор-

щился. Закончив осмотр своей внешности, который еще больше испортил ему настроение, он занял свое привычное место за массивным столом, включил ноутбук, стал проверять почту. Ритмичным движением руки он удалял спам, как вдруг взгляд его споткнулся на теме письма – «Последнее предупреждение». Открыв его, с гадким чувством Игорь прочитал следующее послание: «Вчерашнее наше предупреждение остается в силе. Твой друг ждет от тебя подарочка. Сообщи о положительном решении через неделю. Другого ответа быть для тебя не может...» Игорь поморщился и взглянул на обратный адрес – `adjo@yandex.ru`. Хм...

А вот тема письма ниже: «Куда ты пропал?» Вздрогнул. Открыл письмо – пусто...

А вот следующее – «У нас опять дождь... Что ж тут удивительного? На то и осень, чтобы шел дождь...» Ну, положим, это что-то из Маркеса. «Сто лет одиночества». А его одиночеству, кажется, уже не меньше тысячи...

А вот еще – «Октябрь уж наступил, деревья отрясают последние листы с нагих своих ветвей...». Ну, это уже Пушкин.

И все это спам. Странный спам... Игорь не понимает, кому это надо – рассылать строчки из стихотворений и цитаты из произведений или задавать риторические вопросы типа «Куда ты пропал?» Просто театр абсурда. И ведь что интересно, попробуй распечатать это угрожающее письмо и предъявить юристу как доказательство угрозы – засомневаются в трезвости его рассудка, покрутят пальцем у виска,

скажут – «Игорь Геннадьевич, да ведь это же обыкновенный спам. Мы все получаем подобные письма каждое утро. Вам бы отдохнуть, а то нервы расшалились...»

А вот уже натуральный театр абсурда – следующее письмо содержало в себе выдержку из пьесы «В ожидании Годо». «Что мы здесь делаем? Мы все находимся здесь в ожидании Годо...» Эта фраза настроила его на философский лад. В самом деле, он – чего ждет он? Годо? А кто или что для него Годо? Ну, вот ради чего все это?.. Ради Таньки, которая на религии помешалась? Ради сыновей, которые не желают вникать в его проблемы? Его домашние живут сами по себе, а он – сам по себе... Невеселые размышления прервала секретарша Светочка, которая сначала поскреблась в дверь, а затем протиснулась в кабинет, держа в одной руке косметичку, а в другой – поднос с чашечкой кофе.

– Можно?

– Закрой дверь на ключ.

Светочка послушно закрыла дверь.

– Света, у меня большие неприятности.

– Вижу.

– А мне надо, чтобы больше никто не видел. Приступай.

Секретарша поставила перед ним кофе и профессиональными движениями стала наносить тональный крем на его лицо. Он то и дело морщился.

– Что, больно?

– Работай-работай.

Света закончила маскировать его раны и поднесла к самому его носу карманное зеркальце.

– Хреново, конечно. Но уже не так страшно... Ладно, спасибо.

– Я могу идти?

– Да. И вот что – сделай рассылочку топ-менеджерам, и юристу тоже, что в одиннадцать закрытое совещание. Да, и еще – пусть соберут к совещанию всю возможную информацию о сети магазинов «Семейный».

– Хорошо.

Ровно в одиннадцать в кабинет вошли: первый зам Егор Яковлевич – опытный производственник, крупный мужчина за шестьдесят, более привычный к рабочей одежде, чем к деловому костюму; коммерческий директор Александр Юрьевич, тот самый, с которым они еще вчера вечером мило распивали коньяк; Кирилл, блестящий молодой человек тридцати с небольшим, имеющий помимо высшего образования в маркетинге еще и диплом МВА, а также юрист Владимир Петрович, высокий мужчина средних лет в идеально сидящем на нем костюме. В руках они держали папки-уголки с бумагами. Подготовились, значит.

Все расселись. От внимания Игоря не ускользнуло, что, несмотря на маскировку, его раны не остались незамеченными.

– Друзья мои, дело, по которому я вас сегодня собрал, архиважное. Сейчас я прочитаю вам письмо с угрозой, которое

я получил сегодня утром.

Игорь зачитал письмо, обвел своих коллег болезненным взглядом.

– Может, это спам? – высказал легкомысленное предположение Кирилл.

– Это тоже спам? – Игорь указал на свое лицо. – Короче, я в загадки с вами играть не хочу. Я знаю, с какой стороны угроза. Это Глазурьев.

Топ-менеджеры задвигались на своих стульях.

– Теперь поняли, зачем мне информация о «Семейном»?

– Разрешите, Игорь Геннадьевич, – проявил инициативу Кирилл.

– Валяй.

– У Глазурьева – большие проблемы с бизнесом. Я устал повторять – прежде чем открывать свое дело, необходимо провести маркетинговые исследования. А то – как у нас? Ничего не проведут, шашки наголо – и вперед. А потом удивляются, что бизнес не идет... Так и Глазурьев. Ниша эконом-сегмента занята! На рынке, помимо нашей «Копеечки», еще такие крупные игроки, как «Пятерочка», «Полушка», «Норма»... Почему бы ему миддл-сегмент не осваивать? Так нет! Щемится к нам! А почему? Миддл-сегмент тоже занят – «Перекресток», ну, и гипермаркеты – «Карусель», «Лента», «О'Кей»...

– Так и соперничал бы с теми, кто в миддл! Чего он к нам лезет?

– Концепция его сети «Семейный» задумана как раз для магазинов эконом-сегмента. Это магазины с товарами повседневного спроса по низким ценам для малообеспеченных слоев населения... Вся суть его концепции выражена в слогане – «Семейный: на все вкусы, на любой кошелек». Чтобы в миддл уйти, надо ребрендинг проводить. А это деньги.

– И он, гад, решил своих конкурентов потихоньку кушать! – Игорь стукнул кулаком по столу. – Тут, конечно, деньги не такие большие – бандюганам заплатить, зато куш какой сорвет!.. М-да... Если ты, Кирилл, такой умный, скажи мне – почему он именно на меня пасть свою разинул? Почему он, к примеру, «Пятерочку» не трогает?

Кирилл удивленно скривился, как если бы отличник услышал от своего учителя, что дважды два – пять.

– Помилуйте, Игорь Геннадьевич, но ведь вы же знаете, кто стоит за «Пятерочкой»... и другими вашими конкурентами. Ему проще вас... извините...

– Вот именно – проще меня, потому что крыши у меня нет, больших покровителей – тоже нет, я сам, с нуля, начал свой бизнес! Я в начале девяностых колбасу с нашего предприятия за пазухой выносил, а потом на базаре ею торговал – в дождь, в мороз... В итоге предприятие наше загнулось, а я – нет! Я сначала с рук торговал, потом палатку поставил, а теперь у меня – сеть продуктовых магазинов по всему городу! Я сам всего добился, вот этими руками! Никакой крыши, никаких покровителей... Сам!.. Короче! Я хочу знать об

этом подонке все – кто он? Откуда такой выискался? Кто за ним стоит? Какое его слабое место?

Заговорил Егор Яковлевич:

– Можно, начну?.. Так вот. Георгий Иванович Глазурьев, шестьдесят пятого года рождения. Образование – среднее специальное. Закончил вологодский торговый техникум.

– Вологодский?

– Он из Вологды.

– Прет и прет сюда лимита проклятая!

– В нашем городе с две тысячи третьего. Бизнес свой основал в Вологде. Тоже, кстати, с нуля. Трудовую деятельность начал в ресторане помощником повара. Затем, в начале девяностых, купил аппарат для производства мороженого. Ну, дело и пошло. Выбился в люди. Стало тесно. Поехал большой город покорять...

– Семья?

– Холост.

– Плохо. Что еще?

– Был засвечен в криминале.

– Так-так-так... Это уже интересно. Что там у него?

– Разбойное нападение. Еще когда он торговлю мороженым только начал осваивать. Вместе с подельником привез к клиенту гражданку... ну, вы понимаете...

– Сутенером был, не брезговал. Ну-ну.

– А когда приехали к клиенту, выяснилось, что это – знакомый, завязалась дружеская пирушка. В какой-то момент

Глазурьев с поделщиком решили, что они могут заработать гораздо больше, чем от торговли гражданкой... Э, ну, они достали нож и потребовали от приятеля деньги, ценности. Тот благоразумно решил, что жизнь дороже, и отдал им... список есть. Там что-то такое: доллары, телефон, магнитофон.

– Ничем не побрезговал... сутенер, мороженщик... И что? Задержали?

– А то! Десять месяцев провел в следственном изоляторе. Судили по статье за разбой. Однако срок дали неожиданно маленький, к тому же условный. Потом наш герой основал фонд «Инновации – будущему», якобы в поддержку молодых ученых. Но что-то быстро этот фонд прикрылся. Прокуратура заинтересовалась, куда пошли собранные на научные разработки деньги...

– Привлекался?

– Нет. Вовремя выкрутился – депутатом стал.

– Депутатом, говоришь?...

– Да. Был. У себя.

– Вот они, слуги народные... Понятно... Короче. Суть такова, что вчера его мерзавцы предупредили меня, что мне дается срок – неделя, после чего я должен передать ему весь свой бизнес. Иначе...

– Замочат?

– Посадят. Он на меня компромат собрал. Как гласит русская пословица – «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». С сумой у меня все получилось, теперь как бы с тюрьмой тоже

не срослось... Грешки-то за каждым из нас водятся. Мнения?

Все угрюмо молчали.

– Ну? Друзья мои, посоветуйте же что-нибудь!

– Я думаю, про милицию даже заикаться не стоит? – неуверенно спросил Кирилл. На него только рукой махнули. – Понял...

– Он всегда в сопровождении своих мордоворотов, – вздохнул Егор Яковлевич. – Причем кто-то из них – из бывших милиционеров. Так что связи у него в милиции имеются.

– Да это понятно! Нет предложений?

– Рейдерский захват бизнеса – дело известное, – пожал плечами Егор Яковлевич. – Не ты первый, не ты последний. У нас выбиться из грязи в князи и при этом сохранить независимость – дело сложное, почти невозможное. Подстраховка нужна, чтобы неповадно было рот на тебя разевать.

– Мне что – тоже бандитов нанимать?

– Да нет... Бандитские разборки – дело малоэффективное, но при этом хлопотное. Можно закон переступить, а тут и конкуренты не дремлют, вмиг воспользуются.

– Что ж мне – большую часть бизнеса продать высокому покровителю, что ли? Чтобы он за меня отдувался?

– Нет, зачем...

– Так что же мне делать?

Все молчали, уткнувшись в свои органайзеры.

– Владимир? Ты же юрист. Какие соображения?

– Подкопаться к вам можно, сами знаете, если профессионалы работают. А тут, видно, так и есть.

– Что можешь предложить?

– Вообще-то против лома нет приема. Но... я постараюсь что-то придумать, – неуверенно ответил юрист, отводя взгляд.

– Ясно. Решений нет... Тогда слушайте. Поступим так. Возвращаетесь на свои рабочие места не с кислыми физиономиями, а с бодрым видом и удвоенным рвением к работе. Я беру на неделю тайм-аут – неделя-то у меня есть – и принимаю решение, о котором вам сообщу. Если кому придет в голову что-то стоящее внимания – буду благодарен. Можете идти.

Топ-менеджеры вышли.

Игорь попросил Свету не соединять его ни с кем. В кабинете повисла непривычная тишина, не нарушаемая телефонными звонками. Игорь думал. «Итак, время пошло... Их логика такова – сейчас я у них на крючке. На меня собран компромат, нанят следователь, который заведет на меня дело. Меня арестуют, дело-то известное, сам сколько таким бедолагам сочувствовал. Поэтому проще просто лапки свесить и через неделю сообщить, что отказываюсь от бизнеса... Хм... А можно... А вообще – можно ли тут что-то сделать? Думай, должен быть выход!.. Выход, говоришь? Выход... А выход может быть только в том, чтобы я настолько вознесся,

что ни Глазурьеву, и никому другому не пришло в голову на меня пасть свою разевать. А вознестись я этак смогу только под прикрытием закона, бандитская крыша тут не спасет. На мою крышу найдется еще более крутая крыша. Но как вознестись, как законом-то прикрыться?.. Вот в чем вопрос! А как другие делают? Тот же Глазурьев? Недаром он в депутаты лез... Стоп! А что, если и мне стать депутатом? Тогда – и депутатская неприкосновенность, и неподсудность, и связи, которые, между прочим, и для бизнеса могут пригодиться, и деньги, ну, словом, все тридцать три удовольствия, да еще и закон, который тебя защищает... Вот только легко сказать, а как осуществить? Ну, как... При помощи денег, конечно. Деньги любую дверь откроют... Да, но для такого дела деньги, говорят, немалые нужны. Впрочем, потеряв голову, по волосам не плачут. Не отбашляю за мандат, всего лишусь. Отбашляю – мой бизнес, кровненький, родненький, со мной останется. А значит, будут деньги! Еще больше заработаю! Хм... Мысль неплоха... А когда у нас выборы? Так вот же – в декабре. Так что если решился – надо когти рвать... А от какой партии? Ведь кажется, сейчас одномандатников нет, надо от партии? Ну, партия у нас одна мать родна – «Единая Россия».

Решение принято – надо выполнять. Игорь с лихорадочным нетерпением набрал в интернете местное отделение «Единой России», записал телефон.

– Иван Ильич? Вас беспокоит генеральный директор се-

ти продуктовых магазинов «Копеечка» Игорь Геннадьевич Ветров. Могу я подъехать к вам по одному вопросу?.. Конфиденциальному?.. Отлично! Через час, если пробок не будет, я у вас.

Игорь приосанился, к нему вернулась былая уверенность. Он приоткрыл дверцу шкафа, где висело зеркало, смерил себя критическим взглядом, остался доволен – красоту ведь ничем не испортишь, даже ссадинами. Мужчинам шрамы идут. Небрежным жестом откинул белокурую челку, лежащую на косой пробор, последний оценивающий взгляд, и Игорь летящей походкой вышел в приемную:

– Светочка, буду часа через три.

...Прошло четыре часа. Игорь – на том же месте, за своим столом. Вся уверенность, весь апломб – как рукой сняло. Поникий, сидит он, закрыв лицо руками. В аппарате по громкой связи – голос Светы:

– Игорь Геннадьевич, к вам Александр Юрьевич, здесь стоит. Примете?

– О'кей... Пускай заходит.

Дверь приоткрылась, впустила его однокашника Сашу – и закрылась.

– Видок у тебя неважнецкий – как говорится, эпизод «над гробом». Можно присесть?

– Как хочешь...

– Понятно.

Саша присел рядом с ним.

– Я вообще-то по делу. По твоему делу. Можешь меня выслушать?

– Ну?

– У меня вот такая мыслишка зародилась – что, если тебе в депутаты податься? Погоди, не перебивай, сейчас я объясню все выгоды...

– Ох, Сашка, недаром ты мой друг... У нас компьютеры в мозгу одинаково работают... Сам пришел к этой мысли. Да только бесполезно все это.

– Что так?

– Да то! Был я уже... только что вернулся... в штабе «Единой России»... Послали меня. Говорят, занято все. И про бабло даже слушать не стали.

– А ты как хотел? Это же самая избалованная, прикормленная партия! Партия власти...

– Ну?

– Попробуй от СДПРФ! Им деньги нужны, а денежных мешков у них мало, так как все нормальные бизнесмены в депутаты от партии власти норовят.

– Так они ж того, коммуняки... Ну, то есть, против буржуев, капиталистов там всяких... Разве они пустят буржуев в свои ряды?

– Сразу видно, как ты далек от политики. СДПРФ сейчас не та, что при Ленине. Сейчас коммунисты и богу молятся, и с капиталистами заигрывают. Это сейчас такая же партия, как и остальные в буржуазном обществе, то есть ни-

какой революции, никакого социализма они не хотят. Они – как и прочие – за капитализм с человеческим лицом, то бишь с социальными послаблениями. Вот и все. Что-то типа европейских социал-демократических партий. Возглавляют ее респектабельные, адекватные и, кстати, небедные люди. А весь этот антураж – красные знамена, портреты Ленина, серп и молот – это для электората, ностальгирующего по СССР. С маркетингом знаком немножко? Вот-вот... легенда бренда. Люди, ностальгирующие по прошлому, видя красные знамена, серпы-молоты, слыша социалистическую риторику, голосуют за них, не вдаваясь в подробности.

– Хм... Ну, если ты прав, то можно и с ними попробовать сторговаться... Только как на них выйти?

– Можно через мою сестру.

– Через... как ее – Аську? Она что, имеет выход на руководство?

– Она в партии. Причем не на последних ролях. Кстати, она сама идет кандидатом. Но, поскольку денег у нее нет, идет на общих основаниях, от округа. Единственно, из-за близости с руководством выбила себе округ поприличнее. Там исторически за коммунистов хорошо голосуют.

– Аська?! В депутаты?! Вот это номер!.. Ну и ну! Сестра-то у тебя – боевая! Ладно, давай ее сюда!

Саша достал мобильник, набрал номер.

– Привет!.. Я по делу. Тут друг мой, Игорь Ветров... да-да, он самый... надумал в депутаты... Молодец, быстро схва-

тываешь! Когда ты можешь с ним пересечься, пообщаться на эту тему? Только смотри, он – человек деловой, каждая минута на счету, поэтому надо так, чтобы наверняка... Сколько тебе надо времени, чтобы со своими шефами этот вопрос утрясти?.. О'кей, давай...

Саша спрятал телефон в боковой карман пиджака.

– В общем, так... Завтра она со своим руководством постарается этот вопрос провентилировать, а послезавтра наметь себе – в половине второго в «Тигре и драконе», ну, вьетнамское кафе, которое около нашего офиса.

– А если не получится?

– У Аськи-то? Да ну... У нее все получается.

В дверях показалась Светочка:

– Игорь Геннадьевич, к вам Нина Ивановна.

– Ну, жизнь, как говорится, продолжается. Зови.

Вошла Нина Ивановна, с видом несколько смущенным и виноватым:

– Игорь Геннадьевич, вы уж извините, если не вовремя... Что с вакансией будем делать? Директора по маркетингу? Я обещала кандидатам сегодня сообщить о вашем решении.

– Все правильно, Нина Ивановна. Что бы ни случилось – работа прежде всего... Да, я определился. Скажите Артему Вениаминовичу Скорохватову, что завтра он может приступить к своим обязанностям. Спросит про оклад – скажите, что оклад будет тот, который он обозначил.

«Тигр и дракон»... – подумал Игорь. – Ну, прямо, как мы

с Глазурьевым...»

Если бы он знал, как эта будничная встреча в кафе перевернет его жизнь...

Действие 11

Асе, девушке, которая должна была решить участь Ветрова, перевалило за двадцать восемь.

Пять лет назад она закончила «бабский» факультет – фил-фак пединститута, в школе устроиться как-то не получилось, туда, сюда, ничего интересного. Но в последнее время появилось у нее увлечение – она вступила в СДПРФ. Не ради мужчин, хотя знала – в политику больше тянет сильный пол, слабый – по определению консервативен, пуглив и пассивен. Нет, в политику ее увлекли нереализованные амбиции – может, именно там оценят ее способности? К тому же знала – самые успешные и на карьеру заточенные – в партии власти, а опальная оппозиция талантами не избалована, а значит, и выделиться легче. На выбор повлиял и не проходящий с годами юношеский максимализм. Плохо живем? Ничего нельзя сделать, чтобы жить лучше? Не принимаю! Не согласна! И Ася отдалась партийной работе с упоением. Она не ошиблась – ее заметили, стали двигать. В скором времени она стала правой рукой местного лидера коммунистов, секретаря горкома, Вячеслава Тихоновича Золотова. Он казался ей живой легендой – в начале девяностых, когда все иуды побросали партбилеты, не смалодушничал, а вместе с такими же, как он, энтузиастами возродил партию. Сейчас его лета подбирались к седьмому десятку, но внешне он выглядел подтя-

нуто, бодро и молодежavo. Высокий, видный, солидный, с лицом строгим и напряженным, всем своим видом он как бы говорил – «Вот когда победим, тогда и можно будет расслабиться».

Вскоре и работа нашлась. Вячеслав Тихонович предложил ей оплачиваемое место собкора «Правды» в городе трех революций.

После разговора с братом Ася отправилась к своему покровителю. Депутат, руководитель фракции, он занимал просторный внушительный кабинет в Законодательном собрании. Все три его штатных помощника сидели на своих местах, уткнувшись в мониторы компьютеров. Ася дружески поздоровалась – ее здесь прекрасно знали.

– Чай? Кофе?

– Уф, холодище на улице, промозглость... Поэтому от чая не откажусь.

Золотов вышел, распорядился, вернулся, пригласил сестру за низенький журнальный столик. Мягкие кресла расслабляли, настраивали на камерный лад. Ася отметила, что, пригласив ее расположиться таким образом, Золотов дает понять, что беседа будет неформальная. Пока перекидывались пустыми фразами о погоде, помощница Вячеслава Тихоновича принесла поднос с двумя чашечками, чайником и сахарницей с комковым сахаром.

Ася налила себе кипяток, бросила кирпичик сахара, стала сосредоточенно разминать его ложечкой, стараясь собраться

С мыслями.

– Как твоя предвыборная компания? Помощь нужна?

– Нет, сами справляемся. Через день, по очереди, проводим пикеты у метро. Раздаем литературу, беседуем с народом. Периодически листовки со своей физиономией по парадным разбрасываю... Провела несколько встреч с избирателями – малоэффективно, скажу вам. Аренда помещений – садики в основном – дорогая, народу собирается не больше двадцати-тридцати человек, из сотрудников. Многие даже не в нашем районе живут. А распинаешься перед ними час, а то и больше. Как заведется какая-нибудь бабка о своем, наболевшем, – перебить неудобно, а времени много отнимает... Нет, листовки эффективнее.

– Согласен. А что твои конкуренты?

– Дима Поляков, который от ЛДПР, действующий депутат...

– Ну-ну, знаю.

– Так вот он выбрал себе ядерный электорат, регулярно одаривает его пододеяльниками и продуктовыми наборами, а они за него аккуратно голосуют. Посадил двух теток, чтобы они обзванивали благодетельствованных и напоминали им, кто их осчастливил, за кого голосовать надо.

– Похвально и то, что он партийные деньги не в карман прячет, как другие действующие депутаты, а на народ тратит, – назидательно заметил Золотов. – Так, кто там еще?

– Едросовец Никита Беленький, предприниматель, не ме-

лочится – рестораны откупает и электорат водкой поит. Соседки рассказывали, что на выходе из ресторана его люди конвертики с пятисотками раздавали. Да и вообще денег у него немеряно – все заборы его физиономией увешаны.

– А у тебя с деньгами не очень? Так?

– Да, так... Вот я и хотела...

– Слушаю тебя.

– В общем, Вячеслав Тихонович, дело есть.

– Это я уже понял. Ну, и что там за дело у молодой красивой женщины?

– У товарища по партии.

– Одно другое не исключает.

– Вячеслав Тихонович, я понимаю, что это почти невозможно...

– Ничего невозможного не бывает. Все может каким-то образом устроиться, если сильно хотеть и стараться.

– И все же... Вы понимаете, я пришла говорить об интересах партии.

– Понимаю, что не о погоде.

– Вячеслав Тихонович, есть человек, который хочет стать депутатом.

Впервые Ася увидела, как шеф хмыкнул.

– Вот удивила-то! Кто ж не хочет стать депутатом? Да у нас уже список утвержден, ты ж в курсе.

– Я-то в курсе, но получается, что надо изменить список, – Ася упрямо вздернула острый подбородок.

– Это невозможно!

– Вы же только что говорили, что если сильно захотеть и постараться, то ничего невозможного нет.

– Верно. Но это надо... ну, для начала сильно захотеть, чтобы потом начать стараться.

– Этот человек может заплатить...

– Ася, я категорически против торга мандатами! И ты это знаешь!

– А как же «паровозы» – всякие спортсмены, артисты, шу-ты и шоумены?

– Не я это придумал. Это идея ЦК. Там посчитали, что «паровоз» сыграет на имидж, мол, вот какие люди доверились коммунистам. Все партии стали играть в эти игры, и наша туда же. Я это не одобряю.

– Но ведь от нашей партии идет полно буржуев!

– Так они идут от округов! Пускай себе идут, поработают на округах, деньги на пропаганду нашей партии потратят... Ну и что ж, что буржуи? Сейчас политика нашей партии такая – с буржуями не ссориться, защищать интересы малых и средних предпринимателей. Чем шире будет число наших сторонников, тем лучше.

– В таком случае включите в список еще одного полезного человека.

– Округа заняты.

– Включите в первую тройку!

– Буржуя? Это скандал!

– Почему? Вы же сами только что сказали, что буржуй может быть в нашей партии?

– Но не в первой тройке! Что скажут наши?

– Наших можно подготовить, объяснить...

– Что в ЦК скажут?

– А что они могут сказать? Когда сами везде пишут, что мы должны привлекать в наши ряды представителей мелкого и среднего бизнеса.

– Не могу согласиться!

– Вячеслав Тихонович, он может быть очень полезен. Он даст деньги на предвыборную кампанию. Ведь нам же нужны деньги! А у нас их не так много. Вы сами рассказывали, что попросили денег у ЦК, а там сделали недовольную мину. А тут вы справитесь собственными силами! Да вам товарищи из ЦК только спасибо скажут! Взять хотя бы меня – мне нужны деньги на предвыборную кампанию, чтобы не бледно выглядеть рядом с Поляковым и Беленьким, а у меня денег нет, и родная партия тоже мне их дать не может!

– Хм... Ну, и кто он такой? Дружок твой?

– За дружка никогда бы просить не стала! Я вообще с ним не знакома. Это начальник моего брата, ну, и его одноклассник. Он меня намного старше, отличный семьянин, двое детей. Он не подведет нас! Я лично ручаюсь за него! Ну, пожалуйста! Разве я часто вас о чем-то прошу? Подумайте, это деньги, это – мощная рекламная кампания, благодаря которой можно так выступить! Все регионы обзавидуются, про-

цент подскочит, количество мест в ЗакСе увеличится. Да вам в ЦК не только спасибо скажут, а...

– Что мне в тебе всегда нравилось – умеешь ты говорить, и временами убедительно. Кто ж такой этот твой протеже?

– Владелец «Копеечки».

– Вон это кто! Понятно...

– Так что?

– Эх, не нравится мне все это, но – что делать? Пока живем при капитализме, когда без денег никуда, приходится крутиться в соответствии с реалиями... Ладно, была не была. Скажи, пусть даст... (шеф назвал сумму). Мне как раз столько не хватает, чтобы все участки закрыть. Ну, и себе сверх того возьми.

– Угу.

– Придется в таком случае Потапова – единственного пролетария – подвинуть на четвертое место, с которого он вряд ли в ЗакС пройдет. Ну да ладно. Скажем мужику, что это надо в интересах партии... Дальше твоя забота – пусть твой протеже деньги проплатит на наш расчетный счет, а ты создай ему нужный имидж в наших рядах, чтобы недовольных не было, – роптанья всякого за спиной нам не надо. Словом, ты поняла.

– Поняла. Только, Вячеслав Тихонович, не надо это дело афишировать, у этого человека могут быть большие неприятности. Как можно тише, пожалуйста.

– Проблемы с бизнесом? С конкурентами? Вот для чего

ему депутатская неприкосновенность... Ладно. Пусть не беспокоится – сохраним в тайне. Поняла?

– Поняла. Спасибо.

– Тогда вперед.

Ася вышла из кабинета Золотова, прошла по длинному коридору, устланному красной ковровой дорожкой, мимо закрытых дверей кабинетов, за которыми вершились большие дела и мелкие делишки, завернула в другой коридор, достала мобильный, набрала брата.

– Сашка!

– Ну, что?

– Ух, вроде получилось. Можешь обрадовать своего приятеля.

– Молодец, сеструха! С меня причитается! Ты ж понимаешь – свалят Ветрова, мне тоже в своем кресле не усидеть, придется работу искать.

– Для тебя и старалась. Ветров мне твой – как прошлогодний снег. Пусть бабло готовит!

Действие 12

Ровно в половине второго Игорь Ветров, который был нужен Асе «как прошлогодний снег», и ее брат Александр, для которого она и старалась, появились во вьетнамском кафе. Оно как нельзя лучше подходило для конфиденциальных встреч, так как почти всегда пустовало, а сервис был по-восточному ненавязчив. Накануне Игорь заказал столик в отдельном кабинете, отгороженном от основного зала бамбуковыми шторами. Уселись на деревянные кресла с длинными спинками. В ожидании сестры Александр принялся пристально рассматривать пейзажи на стенах, а его шеф нервно схватил папку с меню и сделал вид, что внимательно его изучает, хотя строчки расплывались перед глазами.

Легкое шуршание бамбука – и кабинет наполнился благоуханием духов.

– Приветик, присаживайся.

Игорь обернулся и увидел высокую, очень тонкую девушку, с длинными светло-русыми волосами, убранными в строгую прическу. Она по-деловому поздоровалась с мужчинами, села за столик, вытащила из сумочки мобильник и положила рядом.

– Уж и не знаю – знакомить вас или нет, – улыбнулся Александр.

– Так мы ж знакомы, – в тон ему подхватил Игорь. – Толь-

ко я тебя, Ася, помню девчонкой, такой, знаешь, угловатой, как все подростки, стриженной. Ты была на пацана похожа.

– А я тебя не помню, извини.

Игорь осекся и углубился в меню. Когда бестелесной тенью около их столика возник официант-вьетнамец, сделал заказ.

– Здесь можно курить? Отлично... – Ася затянулась сигаретой с ментолом. – Ну, давайте обсудим, – на взгляд Игоря, она держалась чересчур официально. – Итак, что ты хочешь от нас?

– От вас – это от СДПРФ?

– Ну, а от кого же еще? Насколько я знаю, от «Единой России» ты уже ничего не хочешь.

– Ну да... Я, типа, хочу стать депутатом, – Игорь чувствовал себя неловко, а потому взял несвойственный себе дурашливый тон. – Понимаю, что не достоин, но готов, так сказать, материальными средствами восполнить свои недостатки.

– В каком размере?

– Называй вашу цену.

Ася затянулась, выпустила длинную струю ароматного дыма и, скосив на него зеленый глаз, по-деловому назвала.

– О'кей, я готов (В «ЕдРе» дороже все это удовольствие стоит, – с удовлетворением отметил про себя Игорь).

– Это не все. Прошу наличными (Ася назвала более скромную, но все-таки кругленькую сумму) на мою предвыборную кампанию. Деньги нужны, будь они неладны.

– Понимаю, – кивнул головой Игорь, внимательно глядя на сидящую напротив изящную блондинку. (Ловка сестренка у Санька, ишь сколько она себе за посредничество запросила...) – Готов помочь. И даже большей суммой. Все для вас, мадам. Или мадемуазель?

– В таком случае слушай сюда, – Ася вкусно затянулась. – Ты вносишь деньги. Раз. Проходишь по списку номером вторым. Это проходное место, не беспокойся. Два. И вот что – брожения среди наших пойдут, что, мол, буржуевдвигаем в ущерб рабочему классу. Ради тебя сдвигаем с проходного места одного хорошего человека. Поэтому необходимо, чтобы ты... ну, хотя бы на первое время притворился, что ты наш, то есть вступил в партию... и если бы перед людьми выступать пришлось, сказал бы...

– Понятно, легенда бренда...

– Правильно мыслишь – создай о себе легенду.

– Легенду-то легенду, только вот что... Мне бы хотелось по-тихому это дело обделать. Потому что если мой оппонент прочухает – беда! А уж как депутатом стану – ищи меня, свищи меня!

– Я тебя понимаю, я обо всем договорилась. Не волнуйся.

– В таком случае я готов. А ты, уж пожалуйста, руководи мной.

– По рукам.

Сделка была заключена, теперь оставалось одно – действовать по-тихому, хитро, быстро, в манере крадущегося

тигра.

Действие 13

...Придя вечером домой, Игорь решил, что теперь пришло время сообщить своему семейству о принятом решении. Дома, как обычно, тихо, то ли как в монастыре, то ли как на кладбище... Все расплзлись по своим норам-комнатам, у каждого своя жизнь. Отец семейства прошел в столовую, перегороденную барной стойкой на две части – кухню, оборудованную всякой техникой – мечтой любой хозяйки, и самую обеденную зону – на стене плазменная панель, напротив – диван уголком, стол из толстого стекла, с нижней, тоже прозрачной, столешницей, на которую обычно ставили десерт – конфеты и фрукты. Игорь пришел не с пустыми руками – по дороге домой купил бутылочку мартини, шоколад «Баккара», красную рыбу. Все порезал, сервировал столик. Позвал семейство.

– А ну, давайте сюда! Разговор есть...

Сел на диван, стал открывать мартини. Вошла, щурясь от яркого света, Татьяна. Привыкла в своей келье при свечах сидеть. Нечесанные волосы, мятый халат, следы увядания на худом лице... Взглянув на жену, Игорь поморщился – такая ли была она двадцать пять лет назад, когда вбегала в лекционную аудиторию, и с ее появлением – словно солнышко выглядывало сквозь тучи. Тоненькая, смугленькая, каштановые блестящие волосы под каре, белозубая улыбка, ямочки

на пухлых щечках... А сейчас – в темных волосах отчетливо видны седые пряди (хоть бы покрасилась, что ли), лицо угрюмое, с каким-то тупым выражением, щеки ввалились, да и вся какая-то высохшая, как сморщенное яблоко, и при этом распустила живот. Ведь не старая же еще баба! Чего же она так опустилась? И деньги есть, и времени свободного – все двадцать четыре часа в сутки. Сходи в бассейн, на фитнес, к косметологу, ведь он – добрый муж – для хорошего дела и денег даст. Ведь сам-то – интересный мужчина, в расцвете лет, бабы на него заглядываются, а с кем жить приходится?..

– О чем разговор-то? – смотрит скучающим взглядом. Кроме религии – ничего ее не интересует.

– Присядь. Мальчики придут, расскажу.

Вошли сыновья.

– Привет, па!

Недоверчиво оглядел обоих. В последнее время появились у него кое-какие подозрения – что-то глазки у них странно блестят... Но некогда их проверять, да что проверять, за своими проблемами некогда о них подумать! «Ведь для них все – и бизнес, и ночей не сплю... Так хоть бы целили, не огорчали, еще больше жизнь мне не осложняли...» Вот Денис – смотрит на него Игорь и себя видит, каким был он двадцать лет назад, одно лицо, но не в него пошел. Парень хоть куда, красив, изыскан, какую карьеру смог бы сделать с отцовской-то помощью, если бы голова на плечах была! Так

нет – институт бросил, не работает, сидит как сыч и, кажется, ничего его не интересует... Взгляд пытливых отцовских глаз переметнулся на Павла. А этот – в мать, чернявый, худенький, длинноногий.

– Как дела в институте, сынок?

– Нормально.

– Отец, по какому поводу праздник? – нетерпеливо спросил Денис. А этот все рвется к своему компьютеру. С головой ушел в виртуальный мир, за уши не вытащишь. В реальном же мире все ему скучно, неинтересно.

– Садитесь.

Игорь разлил мартини по хрустальным бокалам.

– Ну, дорогое мое семейство, можете поздравить меня – депутатом буду.

– Сколько отбашлял? – поинтересовался Павел.

– Вот это ты, сын, по-деловому... Сразу видно будущего финансиста...

Игорь назвал сумму. Помолчали.

– Три хорошие квартиры можно было купить, – заметил младший.

– У вас с Дениской и так по квартире, чего вам еще? А не отбашлял бы – как бы не пришлось вообще с жильем распрощаться.

– От какой хоть партии? – продолжал проявлять интерес младшенький.

– От СДПРФ. С «ЕдРоm» договориться не получилось,

разбалованные они. Да оно и к лучшему. В «ЕдРе» это удовольствие дороже стоит.

– СДПРФ? Так там же коммунисты, так? А коммунисты, они же – нехристи! – подает голос угрюмо молчавшая Татьяна.

– Ну, так найди мне партию, где нет нехристей и где в депутаты можно пролезть за деньги! – взорвался Игорь. – Ты что, не понимаешь – у меня бизнес отнять хотят, и ты же первая взвоешь, на работу тебе придется устраиваться. А кем? Поломойкой?

– Все в воле Божьей, – равнодушно ответила Татьяна. – Поломойкой так полемойкой. Гордыня – грех.

Игорь дико посмотрел на нее. И вот ради этой дохлой рыбы он старается? Никакой благодарности, никакого интереса к его делам! А ведь его дела – это и ее дела тоже, других-то у нее нет...

– Ладно... – сдержался Игорь. – Давайте выпьем, что ли! За удачу, за то, чтобы неповадно было нашим врагам рот на нас разевать!

– За тебя, папа! Ты всех порвешь – я в тебе верю! – вдохновенно воскликнул младший сын, глаза его загорелись, как когда-то давно – карие глаза Татьяны, и на щеках его Игорь заметил знакомые ямочки. Пожалуй, младший сын – самый родной ему человек в этом семействе.

– В общем, рассказываю... Действовать будем так...

– Я не буду действовать, меня в свои интриги не мешай, –

равнодушно произнес Денис, отодвигая пустой бокал. – Все? Я могу идти?

– А жрешь-то ты за чей счет? – взорвался Игорь. Нет, если бы не фамильное сходство, не поверил бы, что этот чужак – его сын.

– Ты меня породил – ты меня и корми, – заявил Денис. – Мамка грехи твои отмаливает, а я твою дремучесть облагораживаю.

– Ну, и какова же моя дремучесть? Вроде и книжки умные читал, и высшее образование, в отличие от некоторых, получил.

– Да не помогли тебе ни книжки, ни образование. Как был ты мясник, так и остался.

И Денис вышел, небрежно (Игоревым движением) откинув со лба льянью челку.

– Строптивый какой, – покачала головой Татьяна. Недовольство старшим сыном – единственное, что объединяло супругов.

– Я-то вкалываю день и ночь, деньги для вас зарабатываю, а ты дома сидишь – вот и попробуй, образумь его. Мать ты или кто?

– С мужчиной мужчина должен говорить. Так что не прикрывайся своей работой. Смотри за сыном!

– Па, ма, да хватит вам! – вставил слово Павел. – Ну, не в духе наш Дориан.

– Кто?

– Дориан... Это его так одна знакомая прозвала. Правда, метко? Она писательница, а писатели умеют меткое словцо подобрать. Дориан и есть – все носится со своими портретами, художник...

– Ладно, Бог с ним. К делу... Раз наш старшой самоустраниться изволил, на тебя, сынок, вся надежда. Первое. На сколько я знаю – депутат не имеет права бизнесом заниматься. В таком случае, назначаю тебя генеральным директором.

– Ух ты! Круто! Приду на занятия, нашим скажу – пусть завидуют!

– Только, слышь, чтобы не во вред учебе. Появляться будешь в офисе в свободное от занятий время, права голоса иметь не будешь... Понятное дело, что предприятием буду я рулить, как и прежде.

– Да это понятно, можешь не объяснять.

– Второе. Тебе, Пашка, для пользы дела надо бы в партию вступить. Ну, попросили меня новые товарищи, чтобы, значит, натурально все было, дескать, уверовали всей семьей в идеалы коммунизма, а то неудобно – депутатом стал, а на идеологию плюет.

– Да вступлю, куда скажешь, – смеется Павел. Хороший сын, не то что старший. – Любые капризы за ваши деньги. Когда надо это... вступать-то?

Действие 14

Павел приоткрыл дверь в комнату брата.

– Занят?

– Да нет, – лениво отозвался Денис. – Играю вот...

Он сидел на полу в разметавшемся восточном халате, вытянув голые ноги, а перед ним на журнальном столике стоял ноутбук.

– А я кое-что принес, – Павел заговорщицки подмигнул и сделал пальцами некое движение, смысл которого оказался понятен его брату.

– О, как кстати! А то как-то скучно... Даже игра не вставляет. Погоди, зажгу палочку – вдруг маман зайдет.

Денис вскочил, дрожащими от нетерпения руками приладил палочку с ароматом сандала на спину лягушки, держащей во рту монету, чиркнул спичкой и, когда по комнате распространился дымок с терпким, головокружительным ароматом, потирая руки, скомандовал:

– Ну, давай...

Павел не заставил себя упрашивать, достал две самокрутки, которые братья тут же и прикурили, усевшись перед ноутбуком.

– Кайф...

– Да... как в песне: «Всего три грамма кокаина меняют в жизни все порой, и из большого и скучного мира ты перено-

сишься в мир ино-ой...» Как-то так.

– Да, щас бы кокса.

– Это тоже дело.

– Что тут у тебя за игра?

– Похождения гнома в царстве зла. Девятый уровень. Сейчас я как раз прокачиваю героя.

В этот момент в дверь просунулась нечесаная голова Татьяны. Она подозрительно потянула носом.

– Вы чем тут занимаетесь?

– Играем.

– А чем пахнет? Опять палочки-вонючки?

– Ну, конечно! А ты что подумала?

– В магазин сходить надо. Холодильник пустой.

– Давай попозже!

– Когда попозже? Скоро отец придет, я сготовить не успею.

– Ну, мам, мы только сели... У нас игра. Давай через час! А ты пока список составь, чего купить надо.

Татьяна захлопнула дверь.

– Теперь твоя очередь в магазин идти, – сказал Павел. – Я косячок достал.

– Ладно, так и быть.

Братья затаились.

– В эту игру хорошо играть после косячка, – заметил Павел, выдыхая дым. – Смотри, какие яркие краски. И визуализация более натуральная.

– А то! Слава тому, кто придумал гашиш! Вот смотри – какая-то травка, а дает такой эффект, такое изменение сознания, какое никакому алкоголю не под силу.

– Ну, алкоголь – это не то, это грубо. Да ведь не зря многие творческие люди пользовались перед, так сказать, актом творения именно гашишем.

– Я пользовался! Я же тоже – творческая личность. И, скажу тебе, эффект потрясающий – обострение воображения, какие-то необычные образы, вдохновение такое, ну, просто прилив энергии. Помнишь мою картину «Седьмой круг ада»?

– Это где монстры?

– Ну да. Так вот, я ее после косячка набросал. Понимаешь, как будто сам в аду побывал.

После того, как травка кончилась, Денис поспешно схватил лист бумаги и принялся приспособливать его на мольберт.

– Вот сейчас, чувствую, опять кураж смогу поймать... Я даже придумал, как будет называться картина – «Цветы зла». Я прямо вижу – фиолетовые лепестки...

Но, как только он взмахнул кистью, в дверь просунулась голова Татьяны.

– Кто в магазин идет? Вот список, вот деньги.

– Пашка, – простонал Денис, – сходи, будь другом... Вдохновение прет!

– Нет, ты обещал, – безжалостно возразил Павел. – А то

в следующий раз сам за радостью пойдешь.

– Нет-нет! Я не пойду, я понятия не имею, как это делается. Денис нехотя отложил кисти, скинул халат и облачился в джинсы и свитер...

... Через двадцать минут он подходил к продуктовому магазину.

– Цветы зла... – бормотал он. – Фиолетовые упаднические лепестки...

Около входа стояли двое бомжей, с одутловатыми небритыми лицами, синими подтеками под глазами, в драной, грязной одежде. Уловив исходящий от них запах, Денис инстинктивно отвернулся и попытался задержать дыхание. Один из бомжей загородил ему вход.

– Слышь, паря, не подкинешь, сколь не жалко? – жалобно загнул он, в то же время меряя лощеную фигуру Дениса недобрым взглядом. – Мы с друганом второй день не жрамши.

– Ах, Боже мой, дайте же пройти, – нервно передернув плечами, пробормотал Денис.

Бомж вцепился в лацкан его пальто почерневшими пальцами.

– Не откажи, друг, – сипел он прямо в лицо Денису, обдавая его зловонным дыханием.

– Уберите руки! – воскликнул тот, чувствуя, что еще немного, и его стошнит.

– Не откажи! Помоги! – хрипел бомж.

– Да сейчас, сейчас, вы только уберите руки... – Денис поспешно открыл кошелек, наугад вынул первую попавшуюся купюру. – Натe, вот, только отстаньте...

Бомж жадно схватил купюру, а Денис, чуть не бегом, бросился в магазин.

– Какой ужас, какой кошмар, – бормотал он трясущимися губами. Брезгливо отряхнул пальто белоснежным платком там, где к нему прикасались пальцы бродяги. – Какая мерзость... Фи!

Платок полетел в мусорный ящик.

Продолжая кривиться, Денис подошел к прилавку. Перед ним стояла старушка, дотошно расспрашивая продавщицу:

– А эти яйца свежие?

– Свежие. Старыми не торгуем.

– А от какого числа?

Продавщица лениво наклонилась над полкой, покрутила коробку, пошевелила губами, озвучила дату. Старушка пожевала губами:

– Хм, прошлонеделишные... Девушка, а вон те?

– Какие?

– Вот эти... – указующий перст. – Да не эти... Вон те...

Да, эти...

Продавщица вразвалочку переместилась вдоль полки с коробками яиц.

– Боже, как долго, – начал терять терпение Денис.

– Молодой человек, моя очередь – имею право, – сурово

возразила старушка.

Наконец, она расплатилась и начала упаковывать продукты так медленно, что, кажется, делала это назло.

– О! – застонал Денис, закатывая глаза. – Да вы можете побыстрее?

– Что вам не так?

– Да ведь к прилавку не подойти из-за вас!

– А ты мне не хами! – вдруг взорвалась старушка. – Ишь, молодой, а наглый!

– Да как я вам нахамил?! – задохнулся от обиды Денис.

Но старушка уже отходила, ворча под нос.

– Слушаю вас, – не очень любезно обратилась к нему продавщица.

– Мне вот по этому списку, – Денис протянул ей список.

Продавщица пробежала его глазами.

– Тут написано – «молоко». А какое молоко? У нас вон сколько.

– Да? – Денис в замешательстве. – Ну... Вон то, – махнул он рукой наугад.

– «Простоквашино», что ли?

– Ну да...

– А 2,5 % или 3,2 %?

– О боже... – Денис в замешательстве переступил с ноги на ногу. – Ну, 3,2.

– У вас написано – «творог». А какой?

– Слушайте, давайте любой!

– Вот этот подойдет?

– Подойдет.

Денис изнывал от нетерпения, пока продавщица вразвалочку двигалась вдоль полок, собирая продукты по списку. А тут еще краем глаза он заметил, что давешние бомжи вошли в магазин и направились в его сторону.

– Девушка, можно побыстрее?

– Я вам электровеник, что ли? Подождите, пока кассовый аппарат пробьет...

– А вот эти, – он нервно указал в сторону бомжей. – Как вы позволяете, чтобы они заходили в магазин?

– Эй! – строго крикнула продавщица. – Чего приперлись? Охрану вызвать?

– А мы покупать будем, – один из бомжей махнул купюрой Дениса.

– Не имею права не пустить – покупатели, – извиняющимся тоном сказал она. – С вас... – назвала сумму.

Денис сунулся в кошелек. Однако то ли «все равно какие» продукты оказались намного дороже, чем запланировала Татьяна, то ли именно этой купюры, отданной бомжам, не хватило, чтобы расплатиться за товар, но только Денис растерянно развел руками и дрожащим голосом стал оправдываться:

– Ой, вы знаете, у меня столько нет. Я, пожалуй, откажусь от чего-то.

– Так я уже пробила! – вскричала продавщица, выкатывая

округлившись в праведном гневе глаза. Образовавшаяся за это время очередь заволновалась.

– Молодой человек, задерживаете...

– У меня не хватает... – лепетал Денис, демонстрируя продавщице всю наличность кошелька.

– Мозгов у тебя не хватает, парень, – отчеканил стоящий сзади пожилой работяга.

– Почему вы оскорбляете меня? – чуть не заплакал Денис. – Да, я не рассчитал, но это не дает вам права...

– Сейчас перебыю, – снизошла продавщица. – От чего отказываетесь?

– Да уже все равно от чего, – заявил разволнованный Денис.

– Ну, как же?.. – начала было продавщица.

– Да давайте уже быстрее! – роптала очередь.

– Мне все равно, лишь бы денег хватило, – дрожащим голосом твердил потерявшийся Денис.

– Ну, вот от ветчины, что ли?

– Да, давайте от ветчины...

Денис, прокливаемый шипящей очередью, сам не помнил, как затолкал в пакет продукты и опрометью кинулся к выходу.

– Молодой человек, вы молоко забыли! – крикнула ему вслед продавщица. Он поспешно вернулся за молоком и, убегая, слышал раскатистый голос пожилого пролетария:

– Бывают же такие недоноски...

– Ну, все! – бормотал Денис, нервно подходя к дому. –
Чтобы я еще раз в магазин пошел – не дождетесь! Пусть отец
в сетях на выходных все покупает...

Однако отсидеться в своей норе ему не удалось.

Действие 15

А сейчас на сцене появится еще одна героиня, которая внешне на пафосную роль не тянет совершенно. И это доказывает: для того, чтобы быть героиней, не обязательно обладать взором горящим и станом манящим.

Итак, в одной из квартир той парадной, где жил Денис, потихоньку собиралась на прогулку Надин, как ее ласково называла бабушка. Ей недавно исполнилось двадцать... Тонкие реденькие белокурые волосы, болезненно-бледное худое лицо, синева под голубыми глазами, бескровные губы, мелкие и нервные черты... Может, при большой симпатии к ней ее и можно было назвать хорошенькой, с натяжкой, конечно, но уж здоровой ее назвать никак нельзя было – инвалид с детства, она целыми днями неподвижно лежала или, если бабушка подтыкала под ее спину две подушки, сидела, неловко съехав на сторону, и по большей части читала, едва удерживая книгу своими слабыми тонкими руками. Родители у нее умерли – погибли в автокатастрофе, осталась одна бабушка. Жили они на бабушкину и Надину инвалидскую пенсию. Бабушке едва перевалило за шестьдесят, она работала когда-то учителем, могла бы и сейчас по-прежнему работать, но – как? Надин занимала все ее время. И, при всех этих нерадостных обстоятельствах, это обделенное существо считало себя счастливейшим человеком. Каждый день, про-

сыпаясь и находя себя живой, она несказанно удивлялась и радовалась новому дню как незаслуженному счастью.

Бабушка принесла к ее кровати ворох одежды, натянула на худые ноги колготки, помогла облачиться в платье... И можно гулять! Прогулка – это был счастливейший момент, апогей дня, но при этом требовавший, прежде всего от бабушки, колоссального труда и напряжения. Сначала она помогала калеке одеться, затем перетаскивала ее с кровати в инвалидную коляску. И – самое трудное – коляску требовалось сначала затащить в лифт, затем спустить с первого этажа по лестнице, которая, хотя и насчитывала всего шесть ступеней, не имела приспособлений для инвалидов колясок, а потому все эти шесть ступеней отдавались в позвоночнике Надин, заставляя ее морщиться от боли. Но вот лестница преодолена и – здравствуй, мир! Правда, мир ограничивался для калеки внутренним двориком, но и он казался ей огромным и бесконечным. Итак, здравствуй, мир, свежий воздух и солнечный свет!

Бабушка покатала коляску по двору, предложила выехать за арку на улицу, но Надин отказалась. С некоторых пор для нее весь интерес сосредоточивался во дворе. Сегодня она отказалась не зря, видно, день выдался действительно счастливым, – в арке показался знакомый и такой долгожданный силуэт, легкой походкой приближающийся к ней...

– Привет, Дэн! – если ей удавалось произнести это короткое приветствие, значит, день прожит не зря.

– Привет, Надин! Как дела?

– Лучше всех! Ты откуда?

– Да вот, из магазина...

– А можно тебя попросить – еще диск с какой-нибудь хорошей музыкой?

– С удовольствием! Ты еще домой не собираешься? Я мог бы помочь.

Они говорят об обыденных вещах, но глаза их живут отдельной жизнью. Черные, глубокие, как омут, глаза Дениса ласкают ее бархатной теплотой. Взгляд ее голубых глаз, восторженный, воспаленный, тонет в этом сладостном омуте, который притягивает ее как магнит.

– Спасибо, как раз собираемся домой.

– Мы же только вышли, – пытается протестовать бабушка.

– Бабушка, я замерзла. Пойдем домой, тем более, что Денис любезно вызвался помочь. Все тебе легче – не тащить меня.

Денис подхватывает коляску как пушинку, заносит на площадку первого этажа... И вот они опять дома. Но на этот раз их небольшая скромно обставленная квартира освящена присутствием прекрасного молодого человека. Надин сотрясает мелкая нервная дрожь, ноздри раздуваются – она на грани экстаза.

– Денис, угоститесь ватрушкой, – буднично предлагает бабушка в то время, как ее внучка едва не теряет сознание от восторга.

– Нет, спасибо.

– Дэн, ну хоть одну, пожалуйста, – дрожащим голосом просит Надин.

– Только ради тебя... М-м, а вкусно! Ну, я сейчас сбегаю за диском.

Денис ушел, а Надин захлопотала:

– Бабушка, помоги же мне – хочу сесть поудобнее... Дай зеркало, дай мне скорее зеркало и расческу! Я же совсем лохматая...

– Девочка моя, околдовал тебя этот Денис... Но ты же понимаешь – он никогда не может быть с тобой! Он – из богатой семьи, он...

– Знаю, он здоров, а я... А мне и не нужно от него ничего! Ничего мне не нужно, бабушка. Мне и так хорошо!

Через десять минут Денис вернулся. Развел руками:

– Слышь, старушка, рылся в своих записях – и не нашел, что тебе предложить... Может, пойдем ко мне, и ты сама выберешь?

Надин не верит своим ушам.

– Что? – голос срывается.

– Ко мне, говорю, пойдем, сама выберешь.

– Конечно!

– Вы не против, если я вашу внучку с собой заберу ненадолго? И верну где-то через часик.

Денис сам усадил тщедушное беспомощное тельце в инвалидную коляску и покатил ее к себе.

Надин была у него впервые. Пока он катил коляску по длинному коридору, она с восторгом оглядывалась по сторонам. Убранство его квартиры казалось ей восхитительным, роскошным, при этом освященным его присутствием, что делало обычную квартиру похожей на храм. В комнате Дениса у нее закружилась голова, она стала задыхаться от волнения. Боже мой, она – в его комнате! Об этом не мечталось, не думалось! Денис поставил диск с медленной и тягучей музыкой, от которой щемило сердце и хотелось плакать то ли от печали, то ли от счастья. Затем он разложил перед Надин диски.

– Вот, смотри... Это классика рока, здесь свежие хиты, этого года...

– А это что играет?

– Нравится?

– Да.

– Энигма. Старая вещь.

– Можно ее взять?

– Конечно! Я ее тоже люблю. Рад, что у нас вкусы совпали.

А теперь хочешь, покажу свои картины?

– Твои картины? Ты рисуешь? Ой, то есть, пишешь?

Очень хочу!

Пока он раскладывал перед ней картины, чувство острого наслаждения пронзило ее – она в его комнате, она любит его творчеством!

– Божественно, – шептала она в экстазе.

– Вот посмотри, здесь я хотел изобразить седьмое небо – вот туннель из облаков, пронизанный солнечным светом, вот силуэт ангела... Если ты немного знакома с религиозной литературой, то должна знать, что рай состоит из нескольких слоев, как бы этажей. С каждым этажом все больше красоты и блаженства. А седьмое небо – это вообще вершина наслаждения.

– Да, да, как я это понимаю! – лихорадочно кивала Надин. В этот момент она как раз чувствовала себя на седьмом небе.

– Слушай, тебе неудобно в этой коляске, давай я перенесу тебя на диван.

Он подхватил ее на руки и бережно усадил на диван, подоткнув под спину подушку.

– Удобно?

Но Надин уже не могла говорить от переизбытка эмоций, она только кивала головой. «А она недурна», – подумал вдруг Денис. В самом деле, ее бледное лицо порозовело, его залил тот нежный румянец, который украшает только бело-снежную кожу очень светлых блондинок, синева под глазами придавала ей томность, а глаза сияли влажным, призывным блеском. Тонкая белая кофточка слегка сползла с плеча, обнажая его белизну. Ноги, длинные и очень стройные, безвольно свисали с дивана, но не бросалось в глаза, что эта девушка больна, – так, обыкновенная хорошенькая девушка присела на диван, небрежно откинулась на подушки, невзначай обнажив плечико и ножки.

– Может, выпьем вина? У нас есть очень хорошее, – предложил Дэн, оценивающим взглядом измеряя гостью, словно увидел ее впервые. «А она ничего... и при этом совершенно невинна!»

– Вина?.. Не знаю... Я никогда не пила... Но – давай! – Надин заговорщицки подмигнула ему. – Только бабушке – ни слова!

Денис удалился и через несколько минут принес поднос с бутылкой красного французского вина, шоколадными конфетами и сыром.

– Вот, пробуй – папа из Парижа привез.

Он разлил рубиновое вино в хрустальные бокалы.

– За удачу! – прошептал он.

– За удачу! – весело откликнулась она.

Тонко пропел хрусталь, они осушили свои бокалы.

– Божественный напиток, – прошептала Надин, закатывая глаза.

– Так давай выпьем еще! Теперь за любовь!

– За любовь!

Выпив два бокала, Надин, не привыкшая к спиртному, захмелела. Впрочем, во все продолжение этой волшебной, фантастической, невозможной встречи она чувствовала себя то ли пьяной, то ли помешанной, словом, состояние было такое, словно она вырвана из своего мира, из своей реальности и находится то ли во сне, то ли в мечтах, то ли в параллельном измерении. Денис развернул обертку и положил конфе-

ту ей в рот. Когда она приоткрыла крошечные детские губы, он не выдержал и, взяв из ее рук бокал, оставил его, а сам обнял ее, прижался к ее хрупкому телу и прильнул долгим и нежным поцелуем к ее губам. Она задрожала в его объятиях и тихонько заплакала.

– Ты чего?

– Не обращай внимания, это от счастья.

– Ты счастлива?

– Еще бы! Ведь я... люблю тебя... Давно... С того самого момента, как увидела в первый раз...

Денис поцеловал ее уже более уверенно после такого признания. Он даже почувствовал себя в некотором роде благодетелем, даря ласку этой убогой, больной девушке, которая, если бы не он, конечно, никогда бы не испытала радость любви и общения с мужчиной. Надин плакала, даже не пытаясь сопротивляться его настойчивым ласкам.

– Ты очень красивая, Надин, я хочу тебя.

– И ты говоришь это мне? Такой девушке, как я?

Денис, чувствуя, что она полностью в его власти, раздел ее. И вот она лежит перед ним – обнаженная, худая, вся трепещущая от смущения, рыданий и своей беспомощности, никогда не знавшая мужчин, девственница. Возбужденный сознанием, что он – первый, что он – любим этим жалким существом, что он – Бог для нее, Денис в исступлении принялся целовать ее, тормошить, ласкать, получая животное удовольствие от того, как пробуждалось, отдавалось ласкам

это девственное тело. И, наконец, овладел ею...

Никогда не испытывал он подобных ощущений! Да, он знал много женщин. Но занимался любовью впервые с женщиной, которая любит. Он чувствовал, как ее любовь, страсть передается ему, как от бешеного биения ее сердца начинает учащенно биться и его пресыщенное холодное сердце. Она, слабенькая, беспомощная, больная, в момент экстаза передала ему такой мощный заряд энергии, какой никогда не получал он от искушенных женщин. Она же билась под ним, словно в агонии, плакала, судорожно сжимала его слабыми руками... Да, такого у него еще не было!

Когда он, наконец, отпустил ее, она была в бессознательном состоянии, совершенно опустошенная, обессиленная.

– Тебе пора, прелесть моя, – прошептал он, заботливо одевая ее. – Бабушка потеряет тебя.

– Но мы увидимся еще?

– А ты не жалеешь о том, что произошло?

– Нет, конечно!..

– Тебе не было больно?

– Мне было хорошо! Очень хорошо!

– А с каждым разом будет все приятнее.

– А будут еще разы? Ты еще позовешь меня?

– Обязательно!

– Даже если не позовешь, я все испытала... я теперь знаю, что такое любовь... Если теперь умереть – я готова.

– Теперь – жить!

Он бережно одел ее. Усадил на коляску.

– Можно тебя попросить? – робко спросила она.

– О чем хочешь!

– Картину. Седьмое небо. Подари.

– Вот, держи.

Отправив гостью домой и при этом с удовлетворением убедившись, что бабушка не заподозрила ничего, что Надин естественна и весела, Денис вернулся к себе. Поскольку он продолжал находиться под впечатлением происшедшего, то решил выплеснуть свои эмоции на бумагу: достал краски, вставил лист формата А4 в деревянную рамку мольберта и принялся творить... Под легкими прикосновениями кисточки на листе появлялось акварельное, чуть размытое изображение лица в ореоле светло-золотистых, словно пронизанных солнцем волос, неестественно огромные небесно-голубые глаза, больше похожие на два озера...

Творческий процесс был прерван появлением Павла.

– О! Да ты творишь!

– Как видишь.

– Какое интересное лицо... Постой, кажется, где-то я его видел... А! Ты будешь смеяться, но мне показалось, что она похожа на... Надьку. Так, кажется, зовут эту калеку, соседскую девчонку?

– Да, это она. Ты угадал.

– На рисунке она гораздо интереснее, чем на самом деле.

– А я вижу ее такой.

– Да?

– Да...

– Ну, видишь – так видишь, все вы, художники, – мечтатели.

– По-моему, она прекрасна! А главное – она настоящая муза, она смогла бы вдохновить меня. Слушай, я, пожалуй, готов жениться.

– Да ты с ума сошел?! – Павел расхохотался. – На калеке?

– А что? Я выше всех этих предрассудков. Сегодня же поговорю с папиком.

– Ну ты приколист!

– Не смейся, пожалуйста. В жизни должно быть место благородству.

– Поговори, поговори с папиком. Но чтобы я тоже тут был – хочу увидеть это шоу!

– И поговорю! Сегодня же!

Действие 16

Плотный брюнет, с бархатными глазами и лицом холерным и красивым, вошел в холл экспериментального театра «Подмости». Взгляд его, внимательный и тяжелый, сразу наткнулся на афишу, которая представляла собой черный плакат, как черный квадрат Малевича. На плакате, также в стиле авангардистов начала XX века, белыми неровными буквами было написано:

Экспериментальный театр «Подмости»

Представляет

Метафизическую трагедию «Бытие»

Автор и режиссер-постановщик Иван Злобин

Холл оказался настолько тесным, что зрители, пришедшие на спектакль, буквально наступали друг другу на ноги. Брюнет внимательно осмотрел картины художников-сюрреалистов, развешанные на стенах. Почти все они были выполнены в стиле минимализма и кубизма. Затем, с сожалением взглянув на свой лакированный ботинок, на котором чей-то башмак оставил пыльный след, он взглянул на часы «Бригет» и решил пройти в зрительный зал. Зал тоже оказался камерным, ряды кресел располагались в нем амфитеатром. Брюнет занял место в первом ряду и вытянул ноги так, что они оказались на краю сцены. Занавеса не было. Сцена представляла перед зрителями голую, вызывающе щерясь широко-

ми щелями между досками. Когда свет в зале медленно погас, также медленно осветилось и сценическое пространство. Оказалось, что на заднем плане есть некое подобие декораций – белый экран во всю стену, на который тут же стали проецироваться черно-белые кадры документального фильма. Перед зрительным залом разыгрывался захват Белого Дома в октябре 1993 г. Зал замер, но тут же вздрогнул от воя сирены и оглушительных хлопков выстрелов. А на подмостках появился высокий, худой, сутуловатый человек с лысым черепом и очень подвижным выразительным лицом. Его сухую фигуру плотно облегал узкий черный костюм. При появлении актера зал взорвался аплодисментами, а он с благодарной улыбкой поклонился почтенной публике и слегка кивнул головой, затем во взгляде его появилось что-то отрешенное, а в лице – демоническое, и сильным, хорошо поставленным голосом он заговорил, при этом кривляясь так, что почти перегибался пополам:

– Я приглашаю вас посмотреть со стороны на наше Бытие! Что это? Всегда ли так было? Или после того, как?.. – он сделал широкий жест на экран с почерневшими стенами Белого Дома.

Тут взгляды всех приковались к полуголой размалеванной девице, появившейся на сцене.

– Ты кто?

– Я Родина.

– Родина? А говорят, что ты уродина. А ты красавица.

– Тебе все во мне нравится?

– Все. Ведь ты же Родина моя.

– Давай мне бабки – и я твоя.

– Бабки? Но ты же Родина моя!

– Без бабок я не твоя!

– Какой бред, – с брезгливой улыбкой прошептал брюнет.

...В том же духе действие продолжалось два часа. В нем было все – буйство актеров, их истошные крики, выпрыгивание в зал, черно-белые, все быстрее мелькавшие кадры на экране, резкое, переходящее в визг, музыкальное сопровождение.

– Да это же психоделия какая-то! – вполголоса воскликнул сосед брюнета.

После спектакля оглушенные и ослепленные зрители, пошатываясь, вышли в холл, где уже стоял длинный стол с самоварами и канапе. Во главе стола крутился на правах хозяина давешний главный актер, он же режиссер, он же идеолог и автор всего этого действия – сам Иван Злобин. Он очаровательно улыбался, широким жестом приглашая зрителей к столу.

– Пожалуйста, дорогие мои! Угощайтесь! Пусть это будет моей благодарностью за то, что вы выдержали два часа моей мистерии!

Зрители, сначала смущенно, затем все более уверенно, подходили к столу, наливали и передавали друг другу чашки с чаем, брали канапе.

– Дорогие мои! – вещал Иван. – Я понимаю, что выдержать два часа моей мистерии – это не просто. Потому что это не развлекательный спектакль, не сладкозвучное шоу, это – моя боль за судьбу страны, выплескиваемая с подмостков, это – мои раздумья о том, куда мы идем, и что будет с нами, с нашей родиной. Этот спектакль – для таких же, как я, для людей, близких мне по духу, для избранных! Да, я не побоюсь этого слова – для избранных, ибо сейчас толпа живет только интересами своего мирка, ее волнует только, как бабла заработать побольше да брюхо набить поплотнее. Искусство, духовность, судьбы родины – не для них! Они – свиньи, перед которыми такие, как я, мечут бисер, но они не понимают наши призывы, им это не дано...

Иван Злобин еще долго вещал в том же духе, всплескивая руками и театрально повышая голос в некоторых местах своей речи. Казалось, он и здесь, за столом, играет некую роль. Брюнет с тонкой улыбкой слушал его, не забывая прислушиваться к тому, о чем говорят обменивающиеся впечатлениями зрители.

– Я прямо как в церкви побывал, – шептал мужчина средних лет провинциального вида своей спутнице, – ну прямо храм, а Иван Валерьяныч в нем – как священник! Он священнодействует, он – проповедь говорит, ты послушай! Ну просто пророк нашего времени... – Пророк? – Брюнет поднял брови и удовлетворенно усмехнулся.

– Да, – вторила ему женщина, – ради такого стоило всю

ночь в поезде трястись...

– В этой зажавшейся Москве он – наш человек, такой родной...

Брюнет передвинулся к двум дамам интеллигентного вида.

– Я не поняла, о чем спектакль, но я шла сюда, зная, что увижу что-то необычное, что потрясет меня. Этот спектакль – это такое мощное воздействие на психику... – Брюнет вновь удовлетворенно кивнул головой. – Единственное, что я вынесла, это то, что добро – лучше зла... Да-да, именно так – лучше зла! все гениальное просто.

– И это неудивительно, что ты не поняла, о чем спектакль. Я на этом спектакле восьмой раз и до сих пор не понимаю, о чем он. Но каждый раз я открываю для себя что-то новое и важное.

– Когда завывала эта сирена, – эмоционально шептала молоденькая девушка своей подруге, – я испытала и шок, и недоумение, и страх! И потом все, что происходило, и пугало, и притягивало меня...

– Да, – вторила ее подруга, сделав большие глаза, – у меня даже было ощущение, что мы попали в какую-то секту...

– Кадры растерзанных фашистами людей, наших солдат-победителей с их торжественными лицами, и, с другой стороны, пошлые шоу с шутками ниже пояса, с ржущими физиономиями наших современников – это сильно. Сразу подумалось – вот ради этих рож наши деды погибали... А

мы, эх, прос...ли все! – это говорил молодой человек, с грозно сжатыми кулаками. Брюнет эти кулаки отметил тоже.

– ...А мне кажется, что мистерия не окончилась, мистерия – продолжается! Мистерия – продолжается!

Примерно через полчаса, когда канапе были съедены, самовар опустел, зрители стали неохотно расходиться, а хозяин зрелища, извинившись, удалился, брюнет проследовал в его гримерную в сопровождении контролерши.

– Иван Валерьянович, тут к вам...

– Да-да!

Когда брюнет вошел в гримерную и запер за собой дверь, Иван Злобин взгляделся в посетителя, на миг смешался, но тут же, справившись со своим удивлением, вскочил:

– Владислав Альбертович, я не ошибся?

– Не ошиблись, Иван Валерьянович, здравствуйте, дорогой, рад видеть вас!

– А уж как я-то рад – все-таки одно из первых лиц государства!

Хозяин театра и могущественный посетитель долго трясли друг другу руки:

– Восхищаюсь вашим искусством, Иван Валерьянович, вы у нас – один из главных режиссеров современного театра!

– А вы у нас – главный кукловод в политическом театре, – не лез за словом в карман Иван.

– Вы мне льстите.

– Однако присаживайтесь... Чай? Кофе?

– Вообще-то я уже попробовал вашего чайка из самовара... А вот от кофе не откажусь, поскольку являюсь заядлым кофеманом.

Иван вышел. Через несколько минут он вернулся, неся поднос с двумя чашечками кофе.

– Отличный кофе! Ради одного этого удовольствия уже не напрасно зашел к вам, – рассеянно заметил, прихлебывая ароматный напиток, Владислав.

Иван прощупывал гостя цепким взглядом.

– Я надеюсь, что не напрасно зашли и по другим вопросам. В общем, чему обязан? – Иван отставил пустую чашечку и изобразил внимание.

– По другим вопросам тоже не напрасно зашел. Например, посмотрел вашу знаменитую мистерию. Получил несказанное удовольствие.

– Ох, что ж не предупредили?! А я-то как не заметил?!

– Ничего-ничего, мне хотелось побывать в положении простого зрителя, поэтому я, откровенно говоря, нарочно старался быть незамеченным. И, как и все ваши зрители, остался доволен.

– Спасибо. Мне, как автору, приятно слышать. Особенно трогательно, что почтили нас, так сказать... в нашем скромном обиталище искусства.

– Вы – талантливый и разносторонний человек, Иван Валерьянович. Я интересовался вашей биографией, да, впрочем, она не секрет ни для кого и у всех на слуху... Два выс-

ших – в физике и режиссуре, ученая степень физика и профессиональное увлечение театром, преподавание и научная деятельность в университете, осведомленность в политике – я имею в виду то, что вы были одно время депутатом и даже планировали создать свою партию...

– Планировал. Было дело. Да нельзя же объять необъятное.

– Так вот... У меня к вам есть деловое предложение.

– Весь внимание.

– Я знаю, что вы сожалеете о распаде Союза, как, впрочем, и все мы, но что вы, отмечая завоевания социализма, тем не менее с сочувствием относитесь к деятельности нашего президента...

– Народ устал от революций и потрясений, главное сейчас – это стабильность и эволюционное развитие нашего общества. Я – социал-демократ европейского типа.

– Я знаю.

– Я за демократию и свободу... Свободу во всем – в искусстве, творчестве, бизнесе! Это главное! Никаких запретов! Никаких рамок и занавесов – железных там или символических, все равно. Но при этом я – против анархии. Я – за сильную власть, за сильную державу. Поэтому мне близка по духу личность Сталина – державника, при котором наша страна вырвалась в ряд сильнейших мировых держав. Поэтому мне близка личность нашего президента – чувствуется сильная рука, да и Россия при нем оправилась, теперь уже есть, чем

гордиться. И на мировом уровне неплохо выглядим.

– Да-да-да, я солидарен с вами. Сталин – это государственный ум, гений в своем роде... И политика нашего президента мне по-человечески импонирует... Итак, мое предложение... Но сначала я хочу, чтобы вы поняли, чем оно вызвано. Вызвано оно моим беспокойством настроениями народа... Я могу быть с вами откровенен?

– Разумеется.

– Возможно, вы не примите мое предложение, но, во всяком случае, я прошу вас сохранить конфиденциальность. Никто не должен знать о нашем разговоре.

– Можете положиться на меня.

– Так вот. На сегодняшний день у нас есть одна по-настоящему сильная оппозиционная партия. В меру критикуя правительство, она, в то же время, сдерживает народное недовольство. Ее лидер прямо говорит, что он оберегает страну от революции, являясь, так сказать, выхлопом пара, потому что, по его словам, лимит на революции у нас исчерпан. И упаси нас Бог от народного бунта, слепого и беспощадного.

– Ну-ну, есть у нас такая партия, – усмехнулся Иван.

– Да. Однако народ – не дурак. В последнее время появилось много критики в адрес оппозиции. Дескать, оппозиция карманная. Оппозиция только имитирует протест, а на самом деле она – левая нога режима. Лидер ее – не бедный, уважаемый человек, которому есть что терять... Ну, и так далее. Одним словом, его авторитет падает... И у лю-

дей недовольных возникает естественная мысль найти или создать некую третью силу, которая бы уже по-настоящему угрожала власти. Понимаете? Стала по-настоящему опасна для власти!

– Но у нас же есть еще правые, западники.

– Я вас умоляю! Они непопулярны в народе. Их идея провалилась уже с десяток лет тому назад... Вот поэтому есть опасность появления некой третьей силы, которую ждут недовольные слои населения, чтобы с радостью к этой силе примкнуть. А мы категорически не можем допустить, чтобы усиливались неподконтрольные нам силы. В связи с этим назрела необходимость появления нового оппозиционного лидера и новой, как бы оппозиционной силы.

– У меня другое предложение – разрешить создание новых партий. Пусть даже кучка из ста человек имеет возможность назвать себя партией. Таким образом протестный электорат растащат многочисленные карликовые партии, которые будут все силы направлять не на борьбу с властью, а на борьбу друг с другом, выясняя, кто из них более революционен. Зато тем самым власть покажет себя по-настоящему демократичной.

– Хм... Отличная мысль! Однако это процесс не быстрый. В перспективе – возможно. А прямо сейчас необходимо появление нового лидера.

– И какую роль вы хотите отвести мне?

– Роль этого самого лидера.

– Польщен. Но каким образом?..

– Я все продумал. Схема выстроена. Осталось получить ваше согласие. Тогда я обрисую вам стратегию и то вознаграждение, которое вас ждет.

– Президент, разумеется, в курсе?

– Разумеется.

– В таком случае идти против течения мне не пристало. Огорчать таких людей, как президент... Неразумно. Поэтому в принципе я согласен. И идею о новом лидере считаю очень удачной, ловкой и своевременной. Хотя, конечно, удивлен, что выбор пал именно на мою скромную особу... Но окончательное решение я все-таки выскажу, когда выслушаю ваш план.

– Извольте...

Действие 17

Артем пришел на работу ровно в десять. Девушка на ресепшене окликнула его:

– Добрый день! Вы к кому?

– Добрый день! Я на работу. Я ваш новый директор по маркетингу.

– Очень приятно! Сейчас я вызову Нину Ивановну – она проводит вас.

Через минуту в конце коридора показалась полноватая фигура начальницы по персоналу. Она любезно поздоровалась с Артемом и вызвалась проводить на его рабочее место. По дороге она перечислила документы, которые он должен принести, на что Артем ответил, что у него все с собой.

Его кабинет оказался очень даже уютный – светлый, с кожаной мебелью цвета кофе с молоком, массивным письменным столом, компьютером с большим плазменным экраном. За чуть более скромным столом уже сидел молодой человек, ждал, когда загрузится компьютер.

– Вот, Кирилл, познакомьтесь – ваш непосредственный начальник Артем Вениаминович.

– А! Рад приветствовать! Значит, новый директор по маркетингу?

Артем протянул Кириллу руку, крепко пожал:

– Надеюсь, сработаемся.

Кривая улыбка нового подчиненного не осталась незамеченной. «Видно, сам метил на мое место...». Пока Артем обустраивал рабочий стол, Кирилл разговорился:

– Так вы, значит, из провинции?

– Да.

– Хм... А у вас, извините, есть образование в маркетинге?

– У меня есть бесценный опыт, который оценил ваш руководитель.

– Ну, опыт – тоже неплохо... Хотя и образование не помешало бы. Вот у меня, например, МВА.

– Поздравляю.

– Как вам наш шеф?

– На первый взгляд – профессионал и энтузиаст своего дела.

– Это точно... Хорошо, что вы пришли, а то дело стоит после ухода предыдущего директора по маркетингу. Мои предложения не принимаются. Шеф говорит – когда придет новый директор, пусть тогда он сначала их и оценивает.

– А почему ушел мой предшественник?

– Да как сказать... Ушли его. Человек он старой закалки. Никакого креатива.

– Со мной креатива будет предостаточно... Когда вы сможете представить отчет по работе отдела за... допустим, последние полгода?

– Ну, завтра постараюсь.

– Нет. Сегодня к пятнадцати часам. Прошу отразить в

нем концепции позиционирования, если таковые имели место, маркетинговые мероприятия и финансовый отчет, чтобы проследить взаимосвязь.

– Боюсь, что за каких-то три-четыре часа сделать это невозможно.

– А вы тезисно. Детали обсудим позже.

– И потом, я не владею финансовой отчетностью.

– Как же без нее?

– Ну, во-первых, мы никогда не запрашивали у финансового отдела отчетность, а сами не занимались этим, и без того дел полно...

– Вы правы, дел полно. А посему финансовой отчетностью мы заниматься не будем, а будем работать в тесном взаимодействии с финансовым отделом... А во-вторых?

– Во-вторых, я считаю, что это дело бесполезное, не отражающее результатов работы.

– Как это?

– Ну, а как вы оцените имиджевые мероприятия, тот же пиар, где нет мгновенного результата, где отдача может произойти через несколько месяцев?

– Хм... Это вы нашему хозяину расскажите – про отдачу через несколько месяцев. Посмотрим, что он вам на это скажет... Итак, в пятнадцать ноль-ноль вы мне предоставляете отчет.

Кирилл надул губы и приступил к работе.

Примерно через час деловую атмосферу кабинета нару-

шил его возглас:

– Во дают!

– Что такое?

– Политикой интересуетесь?

– Более менее...

– Да тут меня информация привлекла... Известные провели флэш-моб на Красной площади. Слышали?

– Что-то такое слышал... Этой информации уже несколько дней.

– Грамотно сработано! «Путин, революция уже скоро...»

Что-то в этом роде. Вот как работать надо! Это нам, пиарщикам, урок.

Артем улыбнулся. В его глазах мелькнули озорные искорки. Однако вслух сказал:

– Хорошо, что вы человек разносторонний, но я бы посоветовал вам не отвлекаться на изучение новостных лент, а также на зависание в социальных сетях. Займитесь отчетом.

Кирилл вспыхнул, но промолчал. В районе обеда нового начальника по маркетингу пригласил генеральный директор. В кабинете, к удивлению Артема, был полумрак. Впрочем, через минуту он понял, чем это вызвано, – на лице руководителя, несмотря на слой грима, явственно виднелись следы побоев. «А это еще что? Бандитские разборки? Я думал, они остались в лихих 90-х...»

– Здравствуйте, Игорь Геннадьевич!

– Здравствуйте, Артем Вениаминович. Ну, как, посмотре-

лись?

– Да, вполне. Сегодня Кирилл предоставит мне отчет работы отдела за последние полгода. Проанализируем, подумаем, и в ближайшее время уже вынесем на ваш суд конкретные предложения.

– Да, не затягивайте с конкретными предложениями. От работы отдела маркетинга я жду грамотного и современного позиционирования нашей сети. И, конечно, увеличения прибыли. Не скрою, в последнее время я недоволен. Вот и разберитесь, в чем дело. Как доктор – разберитесь и вылечите!

– Да, конечно. Не волнуйтесь, Игорь Геннадьевич, вылечим.

– Ваш настрой мне нравится. Кирилл поможет вам. Толковый парень, но прожектор.

– Это от молодости.

– Работайте, Артем Вениаминович, я надеюсь на вас.

– Игорь Геннадьевич, я прошу вашего разрешения работать в связке с финансовым отделом, чтобы своевременно реагировать на финансовые колебания.

– Да, конечно! Одновременно с вами я принял на работу талантливого финансиста. Вы его видели – Александр Юрьевич, он мой давний знакомый.

В 15–00 Кирилл отправил Артему по электронной почте отчет. Остаток дня новый маркетолог провел, делая пометки и комментарии.

Ровно в 19–00 Артем выключил рабочий компьютер, накинул пальто и, зажав под мышкой папку с бумагами, пошел к выходу из офиса. Он шел по длинному коридору, высоко держа голову. Сотрудницы бросали на него любопытные взгляды. Подойдя к расположенному у входа ресепшену, он приветливо кивнул офис-менеджеру Ксении:

– До завтра!

– До свидания, Артем Вениаминович, всего доброго!

Первая половина жизни Артема под названием «Будни менеджера» уступила место второй половине – «Тайная жизнь оппозиционера». Артем вышел из офиса вальяжной походкой, но, по мере того, как он отдалялся от места своей работы, движения его становились более стремительными и резкими.

Он нырнул в метро, а спустя десять минут уже выходил на Черной речке. То, что помещение для собраний первичной организации коммунистической партии находилось в трех шагах от его съемной квартиры, порадовало. Сверился с адресом в блокноте – да, вот тот самый дом, массивный, сталинской постройки. Где-то здесь, во дворе, одна из парадных должна быть открыта. Ага, очевидно, вот эта – из которой в темноту двора падает полоска желтого света. Ну просто свет в конце туннеля!

Легко сбегав по ступенькам вниз и очутившись в полумраке подвала, Артем улыбнулся – его привлекала атмосфера заговоров и тайн. Толкнув дверь, за которой слыша-

лись голоса, он вошел в низкую комнату, осмотрелся. Первое, что бросилось в глаза, – огромный портрет вождя мирового пролетариата, очевидно, после перестройки перекочевавший сюда из кабинета какого-нибудь партийного босса. «Здравствуйте, Владимир Ильич, давно не виделись!» – поприветствовал его Артем, словно хорошего знакомого. Второе, на что он обратил внимание, – полное собрание сочинений Маркса, Энгельса, Ленина в старинных стеллажах. И это правильно – надо, надо хранить наследие классиков революции, да и молодежь просвещать надо. Бюст Ленина, возвышавшийся около трибуны, покрытой красным сукном, словно бы ободряюще ему улыбнулся. За столом, стоявшим около трибуны, сидели – интеллигентный мужчина лет шестидесяти и худенькая миловидная девушка с длинными светлыми волосами, заплетенными в косу. И это тоже понравилось Артему. «Девушка, чувствуется, деловая. И правильно. Наши женщины – не кокетки!» Конечно, вновь прибывший не мог не заметить, что с потолка капает, что стены облупились, а стулья сильно обшарпаны, но и это не смутило его: «Мы, коммунисты, аскеты... Ничего, не во дворцах революции делаются». Затем его внимание обратилось на присутствующих. На первом ряду стульев сидели старички. Один – с тросточкой. Одеты более чем скромно, но опрятно. И старички тоже понравились Артему. «Вот они – наши ветераны! Старые бойцы...» Поймав выжидательный взгляд присутствующих, Артем звонко представился:

– Товарищи, здравствуйте! Я – Артем Скорохватов, приехал в город трех революций из провинции, чтобы здесь жить и работать... и приближать революцию! Как же я рад, что я снова среди своих!

Он стремительно пожал старичкам руки, кинулся к девушке и тоже с силой пожал ее узкую ручку. Затем долго и обстоятельно тряс руку мужчине лет шестидесяти.

– Вы – наш секретарь?

– Да, товарищ Артем! Значит, это вы... Мы рады приветствовать вас в нашей первичке!

– Я вижу, вы принимали взносы от товарищей. Я тоже готов, за три месяца... Уже три месяца, как с учета у себя снялся. Истосковался по большому делу. Малые-то дела делаю – комментарии пишу, борюсь с режимом, так сказать, в виртуальном пространстве.

Артем с гордостью выложил перед секретарем свой партбилет. Пока тот открывал его на нужной странице, достал крупную купюру. Увидев купюру, секретарь уточнил:

– Вы сколько хотите внести? То есть, какую сдачу вам?

– Вот все и хочу внести. Сдачи не надо.

– Но вам самому деньги нужны. Вы же только приехали...

– Ничего-ничего! Я нашел работу, вот, сегодня первый день вышел, и готов...

Секретарь принял деньги. «Любопытный экземпляр», – подумала Ася, пронаблюдав эту сцену. – «А миловидный-то какой...»

...Игорь ехал на собрание первичной организации номер пять на метро. Он уже и не помнил, когда последний раз спускался в «подземку». Его раздражало, что его толкают, что к нему прикасаются мокрые куртки и пуховики (на улице лил дождь). Однако поехать на машине не решился – вдру за ним «хвост». Не дай Бог Глазурьев узнает его планы!

Он вынырнул на поверхность, где его хмуро встретил унылый октябрьский вечер. Струи дождя часто барабанили по мостовой. Игорь раскрыл зонт и, подумав о том, куда он направляет свой путь, усмехнулся: ему и в пьяном бреду не привиделось бы, что он вступит в коммунистическую партию! Он вспомнил, как, еще учась в школе, сбегал с комсомольских собраний... Как в институте схлопотал выговор с занесением в личное дело за то, что вместе с курсом не поехал в колхоз на уборку. С чувством большого облегчения воспринял он отмену всякой партийной принадлежности. В 1991-м году, разумеется, громче всех возмущался действиями ГКЧПистов. В 1993-м одобрял Ельцина за расстрел парламента – «Так им, коммунякам недобитым! Всех мочить!» На выборы ходил аккуратно и голосовал исключительно за Ельцина, а впоследствии – за Путина. А как иначе? Знаем, кто у нас отец родной. И вот – насмешка судьбы – он спешит, чуть ли не спотыкаясь и падая, чтобы вступить в коммунистическую партию, так как одна она, родимая, может спасти и его бизнес, и его самого. Да уж... поистине, неисповедимы пути...

Через пять минут он очутился во дворе пятиэтажного дома сталинской постройки. Из единственной призывно распахнутой парадной струился желтоватый свет «лампочки Ильича»... Ну, тут уж все мысли в одном стиле... Поскольку двери остальных парадных негостеприимно заперты, понял – сюда. Своей порывистой летящей походкой подошел к распахнутым дверям, еще раз оглянулся – вроде никого, торопливо вошел, спустился в подвал с закоптелыми стенами и очутился в длинном узком коридоре с шуршащими почти на уровне лица мокрыми канализационными трубами. Странно выглядел Игорь в дорогом пальто рядом с ржавыми трубами, ну, да уж что теперь... Не верилось, что этот темный подвал может быть обитаем. Почти на ощупь Игорь продвигался вперед, пока не увидел узкую полосу света. Толкнув единственную дверь в самом конце коридора, он вошел в освещенное помещение и огляделся. Ему показалось, что коридор, как некая вневременная труба, связывающая настоящее и прошлое, перенес его на двадцать – тридцать лет назад. Пол покрывал коричневый линолеум, бывший в употреблении в восьмидесятые годы, на стенах сохранились желтые обои в цветочек, которые под потолком отклеились и пузырились. Вдоль стен стояли стеллажи с томами собраний сочинений Ленина, Сталина, Маркса... На стене висела картина, на которой был изображен вождь пролетариата, произносящий речь. Возле ветхой кафедры, щели которой стыдливо прикрывало красное сукно, возвышался бюст Ильича с вы-

щербленным носом. Игорь охватил все мимолетным цепким взглядом, отметил то, что потолок подвального помещения отсырел, что на лысой гипсовой голове бюста Ленина – толстый слой пыли, а красное сукно, покрывающее кафедру, местами протерлось до дыр... Да, ощущается нехватка средств у коммунистов, ощущается. Отовсюду выглядывает ухмыляющееся старушечье лицо нищеты... Ветхая, пропылившаяся идея, извлеченная из бабушкиного сундука и пропахшая нафталином. Ветхая, рассыпающаяся в прах мумия... А ее посадили на пьедестал, даже подкрасили ей губы и побрызгали парфюмом, чтобы придать ей видимость жизни... Кто они – люди, которые поклоняются этой мумии, вынутой из гроба? В помещении находилось примерно двадцать человек. Сначала он не разглядел их лиц, он почувствовал только их взгляды – цепкие, недоверчивые.

– А вот и наш кандидат, – ободряюще улыбнулась Ася. – Проходите, Игорь Геннадьевич, не стесняйтесь, вы здесь среди своих.

Игорь неловко раскланялся. Увидел поднятую руку – это Павел, он уже здесь, – и занял место рядом с сыном, в заднем ряду. Хотелось укрыться за спинами и оттуда понаблюдать за происходящим. Павел же чувствовал себя непринужденно – развалился на стуле, бесцеремонно разглядывал новых товарищей.

Собрание еще не началось. Люди перестали обращать внимание на новичка и возобновили прерванные его прихо-

дом разговоры. От нечего делать Ветров стал исподтишка разглядывать присутствующих. Подавляющее большинство пенсионеров разбавлялось мужчинами среднего возраста и молодежью. Прекрасную половину представляли Ася и пожилая дама интеллигентного вида.

Старики ничем не выделялись из разряда других подобных им, то есть ничто в них не выдавало их оппозиционность: ветхо и просто одетые, с простыми честными лицами, они добродушно беседовали между собой о разных житейских делах – о закончившемся дачном сезоне, о том, что уходящий год оказался щедр на грибы... Пожилая дама с упоением рассказывала рецепт грибной икры, мужчины слушали ее, добродушно посмеиваясь, и отпускали шуточки вроде «А неплохая, наверно, из твоей грибной икры закусочка получилась», «Вот-вот, ее бы да под водочку», «Когда к себе пригласишь на икру? С тебя закуска, с нас – выпивка». Игорь сразу оценил ситуацию – старики воспринимают собрания, как возможность выползти из своих нор, выйти на люди, пообщаться со сверстниками. Коммунистическая идея для них – это ностальгия по прошлому, по ушедшей юности, по завершенной в незапамятные времена карьере...

Молодежь же была иного рода. По их мрачным лицам и нахмуренным лбам, по сурово сверкающим глазам понятно было, что они себе на уме и в душе недовольны. Даже одежда красноречиво свидетельствовала, что они представляют собой, своим внешним видом, протест – кожаные куртки с

устрашающим железом в виде цепей, замков, ошейников и браслетов, военизированные сапоги на шнуровке, длинные всклокоченные волосы. У одного Игорь рассмотрел в ухе серьгу в виде креста. Молодежь держалась особняком, сидела, насупившись, и если и обменивалась друг с другом скудными словами, то нехотя и как бы через губу.

Обсуждалось событие на Красной площади, давешний флэшмоб.

– Как думаете, кто организовал?

– Говорят, какой-то «товарищ Артем».

– А кто он?

– Если б знать...

– Нам бы в партию таких!

– Да он, может, и так наш.

– Это точно! В партии или нет – наш человек!

Игорь вслушивался в их разговор, как вдруг неприятная неожиданность – сидящий впереди брюнет, затылок которого казался смутно знакомым, обернулся, и Игорь узнал в нем своего нового работника – директора по маркетингу. Тот тоже узнал своего начальника, и изумление изобразилось на его холодном бесстрастном лице.

– Игорь Геннадьевич?!

– Он самый, Артем Вениаминович-ч-ч.

Ветров был в бешенстве, он испытал мучительный стыд перед новым подчиненным. Ведь вот только что он восседал перед ним в презентабельном кабинете, он, босс, с вы-

соты своего положения снисходил до беседы с ним, а теперь он упал в глазах своего работника, предстал ошивающимся в каком-то грязном подвале, с подозрительными личностями. («Этот-то какого чёрта здесь делает... Ох, как же мир тесен... Абсурдная ситуация!») В то же время ему уж совсем не понравилось, что его новый директор по маркетингу оказался втянут в эту политическую клоаку. («Вот ничего себе, кого на работу-то принял... Кого на груди пригрел!»). Артема тоже не порадовала встреча с боссом («Это еще что... Э, да ладно! Зато не надо прятаться и свои политические убеждения скрывать»).

Артем хотел что-то сказать, чтобы прервать неловкое молчание, но в этот момент секретарь, собрав взносы, объявил, что собрание начинается, кто за... против... воздержался... Это опять напомнило Игорю далеко забытое – детство, юность... Первым на повестку дня поставили вопрос о рассмотрении двух поступивших заявлений о вступлении – от отца и сына. Вторым вопросом – обсуждение доклада партийного лидера в преддверии выборов. Затем – прения. И в заключение – план предвыборной кампании заместителя секретаря первичной организации. Чуть больше месяца остается – надо спешить.

Итак, под номером один в повестке дня ожидался спектакль – буржуй вступает в коммунистическую партию. Да, на такое стоит посмотреть. Как он будет кривляться, выдавая себя за радетеля народного, как будет, бия себя в грудь, лить

слезы о трудной доле простых граждан...

А как увертюра или, точнее, вступление к основной части – представление нового члена.

– Товарищи! – объявил секретарь. – Рад представить вам нашего товарища из Ивановска – Артёма Вениаминовича Скорохватава. Пусть он сам расскажет о себе.

Артём подошёл к кафедре, ясным взглядом обвёл присутствующих.

– Мне тридцать семь лет. В партии – с двадцати. Когда власть коммунистов была предательски свергнута и все наши так называемые вожди побросали свои партбилеты, вступил в партию и до сего дня продолжаю активно работать. В Ивановске я был секретарём первичной организации, секретарём райкома, членом горкома, входил в бюро. Теперь буду жить и работать здесь.

– А к нам-то какими судьбами? – выкрик с места.

– По семейным обстоятельствам. С женой разошёлся, оставил ей и её новой семье квартиру. И поехал в Питер, чтобы здесь начать жить заново.

– А по социальному положению вы кто?

– Моя должность на новом месте работы – директор по маркетингу.

Скупое признание новенького в жизненном фиаско вызвало в Асе горячее сочувствие. «И чего бабам надо?.. Красив, востребован. Не успел приехать – и уже директор». Однако Артём уже направлялся к своему месту.

– Товарищи, я думаю, что выражу общее мнение, если скажу Артёму – добро пожаловать в нашу первичку! Здесь вы среди своих! А теперь у нас на повестке рассмотрение заявления о приёме в партию от Игоря Геннадьевича Ветрова. Прошу вас, Игорь Геннадьевич.

В предвкушении занятного зрелища народ задвигался, усаживаясь поудобнее. Игорь прошёл к кафедре, чувствуя себя крайне неловко и, подождав, когда все успокоятся, исподлобья взглянул на настороженно притихшую аудиторию. Десятки глаз зрителей в партере выжидательно глядели на него. Секретарь попросил его рассказать о себе. Заранее предупрежденный, что ему придется толкать речь, Игорь подготовился и теперь, солидно откашлявшись, начал так:

– Товарищи! А я надеюсь, что вас я могу назвать этим с детства родным словом... Так вот, о себе. Сорок пять лет. Закончил политехнический институт. После учебы был распределен в качестве инженера холодильных установок на мясокомбинат «Слон»... Вижу, некоторые улыбаются. Да, действительно, наше предприятие разорилось уже в самом начале лихих 90-х. Мне повезло – я начал свой бизнес...

– Какой? – выкрик с места.

– Я торговал мясом, – начал было Игорь и осекся. Заметили его смущение? Кажется, нет. Слушают, лица серьезные. – И вообще торговал продуктами питания. Я выбрал именно этот бизнес, потому что хочу накормить людей. Хочу, чтобы люди в моих магазинах получали качественные, здоровые

продукты питания. Ведь сейчас что? Прилавки в магазинах завалены импортом, своего ничего нет. Даже картошка – эта исконно русская еда – ввозится к нам из Финляндии... А вы знаете, к примеру, что мясо, которое нам продают, поступает в нашу страну из Аргентины или Бразилии в замороженном виде? А заморозили его когда? Аж в восьмидесятых! Вот чем нас травит антинародный режим, товарищи! А если вы будете покупать мясо в моих магазинах, а я – владелец «Копеечки» – то вы будете получать только свежие продукты от местного производителя. Уж я вам гарантирую...

– А можно без рекламы? – крикнул молодой свежий голос, кажется, мальчика с крестом в ухе.

– «Копеечка»?... Круто... – среагировал кто-то.

– Или вот еще пример. Знаете ли вы, что Запад производит один и тот же продукт для внутреннего пользования, на экспорт в развитые страны и на экспорт в развивающиеся... И мы как раз относимся к развивающимся. Так вот, в зависимости от того, для какой целевой аудитории изготавливается продукт, он изготавливается либо качественно, с соблюдением всех необходимых технологий, либо халтурно, с добавлением всяческих Е, чтобы не испортился на долгом пути к нашим желудкам... К примеру, чай «Липптон» в Англии и этот же чай на расейских просторах – это две большие разницы...

– А можно без ликбеза? – задорно выкрикнул тот же голос.

– Извините, отвлекся. Тема, видите ли, большая. Тяжело видеть, чем наших граждан кормит антинародное правительство... Что еще о себе? Женат, два взрослых сына. Студенты... – он опять споткнулся, вспомнив действительно большое место, старшенького. – Здесь присутствует мой младший сын, Павел. Он разделяет мои взгляды и тоже хочет вступить в ряды СДПРФ... А жена, кстати, в свое время тоже пострадала от режима. Она моя однокурсница. Инженер. Высшее техническое. И что? Никому не нужна. Как не нашла себя в начале девяностых, когда ее завод тоже разорился, так и сидит дома... Специалист с высшим образованием – и не востребована... Ну, что вас еще интересует?

– Почему решили вдруг вступить в СДПРФ?

– Я не вдруг. Я давно сотрудничаю... Вот, с Асей. Может подтвердить. А теперь решил уже твердо – вступлю, решение осознанное, скрывать свои убеждения не считаю нужным.

– А почему все-таки? Вроде бизнес у вас идет. «Копеечка» – крупная сеть. Все мы там отовариваемся.

– Как почему? – Игорь начал сбиваться. – Я же сказал, больно видеть, как антинародный режим...

– А не случайно ли то, что вы ваше вступление как раз к выборам подгадали?

Игорь вдруг впал в крайнее раздражение – что это? Никак каверзные вопросы задают? Ну и картина – он, руководитель крупного предприятия, богатый человек, стоит в каком-то сыром подвале под прицелом взглядов нахальных молодчи-

ков, наверняка неудачников по жизни, которые еще и глумятся над ним! Почему он должен перед ними оправдываться? Он – клиент, который заплатил большие деньги, чтобы ему оказали политические услуги, и неужели из-за таких ловхов, которые в жизни ничего не сделали и ничего не добились, что-то может не срастись?

– Не случайно! – огрызнулся он, приняв свой обычный высокомерный тон. – Вы угадали! Я вступаю в партию для того, чтобы принять активное участие в выборах! Мое участие принесет партии ощутимую пользу – я окажу ей финансовую поддержку! А какой вклад можете сделать вы?!

Поняв, что обстановка накаляется, Ася решила вмешаться.

– Для тех, кто еще интересуется или сомневается – да, Игорь Геннадьевич, который давно помогал нам, не афишируя свою помощь, теперь решил выйти из тени, несмотря на то, что преданные режиму буржуи из его окружения могут осудить его, несмотря на то, что это может подставить под удар его бизнес! Но он решился! Он будет работать, вкладывать свои деньги в предвыборную кампанию, в пропаганду нашей партии. Несомненно, такие люди нам нужны!

– Конечно, от них больше пользы, чем от нас... – не сдавался юнец. – Мы что, только в пикетах можем мерзнуть часами, под дождем... Денег-то у нас нет...

– Тимур, ты не прав! В партии нужны все – и те, кто может помочь своими деньгами, но не может стоять в пикетах, и те,

у кого денег нет, но есть горячее сердце и время, которое он может провести в пикетах, непосредственно, в личном контакте агитируя за нашу партию.

– Только вступил в партию – и сразу в депутаты... – прощамкал старик, сверля Игоря недобрый взглядом. – Ишь, как буржуи в партию-то лезут...

– Андрей Григорьевич, и вы не правы! – парировала Ася. – В докладе нашего лидера, обсуждение которого как раз стоит у нас номером два в повестке, прямо говорится, что мы, коммунисты, в нашей борьбе можем опираться как на работников физического и умственного труда, так и на представителей мелкого и среднего бизнеса, которые также страдают от антинародного режима. Мы, коммунисты, выступаем за многоукладную экономику. Страна, выходящая из кризиса, сможет опереться на средний класс, на предпринимателей. Сегодня мы, коммунисты, не являемся противниками буржуазии, наш лидер уже не призывает к национализации всего, он прямо говорит в докладе, что не всякая национализация полезна. Бывает более эффективным, когда у предприятия есть хозяин. Например, в сфере обслуживания. Поэтому мы должны привлекать в наши ряды представителей мелкого и среднего бизнеса. Они до крайности нам необходимы и полезны. Вот вы, Андрей Григорьевич, выйдете в пикет, а кто отпечатает листовки, газеты, прочую агитационную литературу? На чьи средства это будет напечатано? Поэтому вы не правы – партии очень нужны деньги! К сожалению, без денег

власть не возьмешь...

– Если больше ни у кого нет вопросов к нашему кандидату, – подхватил секретарь, – то давайте голосовать – кто за? (Поднялось семнадцать рук) Против? (Ни одной) Воздержался? (Семь рук). Игорь Геннадьевич, поздравляю с вступлением в коммунистическую партию!

Секретарь крепко и решительно пожал Ветрову руку.

Игорь вернулся в задний ряд, а его место за кафедрой занял Павел. Он держался уверенно и непринужденно, а легкая усмешка в уголках губ показывала, что все происходящее кажется ему забавным.

– О себе. Двадцать лет, студент финансово-экономического факультета. Вот и вся автобиография. Сделать в этой жизни еще ничего не успел, но уверен, у меня все впереди.

– Почему решил вступить в партию? – выкрик с места.

– Отец воспитал меня в соответствии с идеалами коммунизма. А «Капитал» Маркса – моя любимая книга, как будущему финансисту она мне особенно интересна.

В зале задвигались и заулыбались. Видно было, что Павел понравился. За его вступление проголосовали все единогласно.

– А теперь перейдем ко второй части повестки, – объявил секретарь и, подойдя к кафедре, уперся в нее сильными руками, слегка наклонился вперед и, сверкая очками, заговорил:

– Товарищи, в своем докладе наш многоуважаемый лидер

делает акцент на предстоящие выборы. Он призывает чаще устраивать пикеты, как можно больше раздавать партийной прессы. Нарочно к выборам тиражи наших партийных газет увеличены в разы. Видите, сколько пачек лежат вон на тех столах... После собрания прошу всех взять хотя бы по сто экземпляров, разбросать в своих парадных... Все вы знаете, что и референдум о недоверии правительству тоже приурочен к выборам. Сбор подписей против правительства даст нам возможность почти каждый день близко общаться с людьми, доводить до них наши взгляды, дает возможность составить список недовольных, которых в будущем можно привлечь к нашей работе, привлечь в нашу партию. Ну, а что касается практического значения референдума – то все мы понимаем, что путем сбора подписей власть не свергнуть. Власть будет защищаться. Поэтому и референдумы, и выборы – по большому счету, как слону дробина. Власть не позволит нам победить. Итоги будут сфальсифицированы. Но – на данном этапе все средства хороши. Потому занимаемся выборами. С целью агитации и пропаганды. Хотя, на мой взгляд, уж сильно мы увлечены этой игрой в выборы. Больше мы ничем не занимаемся: ни работой с предприятиями, с пролетариями, ни забастовками... Только выборы! Вот сейчас пройдут эти самые выборы, мы в очередной раз проиграем, покричим, что нас обижают, что власть сфальсифицировала итоги, поугрожаем, что подадим в суд, и в очередной раз не подадим... И будем тихо посапывать в болоте поли-

тической жизни аж до следующих выборов. Тем не менее, товарищи, работать надо. И делать эту работу – по агитации, пропаганде – надо на совесть.

Игорь не слушал – думал о своем, положив уставшую голову на сцепленные руки. Поможет ли ему то, что он связался с этой темной, экстремисткой силой, которую в душе побаивался и, как уважаемый человек, старался держаться от этой силы подальше?.. Этот грязноватый мальчик с серьгой в ухе... Или вон тот, в кожаной кепке, по форме напоминающей фашистскую, брюнет с острым носом... Не знает, что ли, что головные уборы в помещении принято снимать? Ох, занесла же нелегкая... Если бы был другой выход!

Но вот секретарь закончил доклад, приступили к прениям. И вот тут-то и началось самое интересное... Ветров думал, что доставил удовольствие товарищам по партии своим шоу под названием «Вступление в ряды коммунистов, могильщиков капитализма... капиталиста», однако товарищи тоже доставили ему яркие впечатления: он с любопытством посмотрел шоу под названием «Битва идеологий в одной отдельно взятой партии».

Первым на трибуну вышел парень в надвинутой на глаза кепке:

– Не согласен с вами, товарищ Волин! – зловеще заявил он. – Излагая доклад нашего лидера, вы больше внимания уделили не самому докладу, а своим комментариям. Как же это сочетается – вы, наш секретарь, и идете вразрез с лини-

ей партии?! Как же это вы сеете крамольные взгляды о том, что выборы, якобы, не помогут нам взять власть, что партия чересчур ими увлекается?

– Имею право на свое мнение! – возразил секретарь, товарищ Волин. – Имею право высказать то, что меня беспокоит! Это очень важно! И – тревожно... Беспокоит меня то, что верхушка нашей партии начинает отходить от идей марксизма-ленинизма... (Движение в зале, недовольный шепоток) Не перебивайте! Дайте сказать! Так вот... Только учение Маркса-Ленина является той путеводной звездой, следуя за которой, мы сможем добиться победы. К сожалению, ЦК отходит от этого учения. Наша партия все больше скатывается на позиции оппортунизма. Наши лидеры уже не призывают к революции, объявив всенародно, что лимит на революции в России исчерпан. Они – за капитализм с человеческим лицом, за реставрацию капитализма. Так чем же они, в таком случае, отличаются от оппортунистических социал-демократических европейских партий?! Они сделали ставку на выборы. Они никогда выборы не выиграют, так как власть, защищаясь, не допустит, чтобы оппозиция сместила правящий режим. Идеи Маркса-Ленина спрятаны под спудом, о них наши вожди уже не говорят, теперь выпячивается на передний план «Русский вопрос»... Товарищи, я сам чистокровный русский, но считаю, что обострение национализма – крайне вредно и ни к чему хорошему не приведет! Это отвлечение трудящихся от их природных, клас-

совых врагов, направление их агрессии против людей другой нации. Это крайне вредит нашему делу! В общем, я считаю, что, не противореча линии руководства, продолжая заниматься выборными делами, на местах необходимо все-таки продолжать внедрять тактику классовой борьбы.

– Кто зовут нашего секретаря? – шепнул Игорь впереди сидящему старичку.

– Иван Сергеич Волин, – прошамкал тот в ответ.

– А позвольте мне! – выкрикнул паренек с серьгой в ухе.

– Иди, Тимур, – снисходительно кивнул секретарь.

Тимур занял место за трибуной, обвел присутствующих ясным взглядом черных ярких глаз. Было в нем что-то цыганистое, залихватское. Черные кудри, металлический крестик, дрожащий в ухе, кожаная тужурка с засученными рукавами...

– Товарищи! Мы вот сейчас выслушали мнение товарища Волина... Не соглашусь с Иваном Сергеичем, категорически не соглашусь... Оно, конечно, марксизм-ленинизм – теория правильная, да я и не хочу больше что-то говорить в защиту этой теории, мы все тут коммунисты, а значит, люди, которые приверженцы этой теории. А как же иначе? Никак! Но при этом Маркс жил когда? Сто пятьдесят лет назад! Эта теория создавалась именно в те времена, именно на основе того общества, тех реалий! Когда Ленин творчески ее переработал и адаптировал к нашим, русским условиям, эта теория сработала. Это так! И я, и все мы преклоняемся перед

учением Маркса-Ленина... Но! Мы живем в двадцать первом веке – это совсем другое общество, совсем другой капитализм, все другое! Теорию Маркса-Ленина надо развивать, приспособлять под современные реалии...

– Доприспособлялись до оппортунизма! – заметил Волин.

– Иван Сергеич, вас не перебивали, – осмелилась сделать замечание Ася.

– Так вот, на сегодняшний день крайне актуален «Русский вопрос». Актуален потому, что русский народ – государствообразующий. А сегодня мы наблюдаем геноцид русского народа. Русские стремительно вымирают. Товарищи! Если погибнет русский народ – конец России как государству! Вот почему я полностью согласен с нашим лидером, что сегодня классовая борьба неразрывно связана с национально-освободительной!

– Так от кого освобождаться-то надо? – не удержался Волин. – У нас что – татаро-монгольское иго? Освобождаться надо не от инородцев, а от наших же, русских, буржуев и олигархов! И в этом национальный вопрос не поможет! Только классовая борьба!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.